SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- В. Чепинский
  -
  - Введение
  - Глава I. Детство и юность Вашингтона
  - Глава II. Война с французами и начало военной деятельности Вашингтона
  - Глава III. Деревенская жизнь Вашингтона
  - Глава IV. Причины и начало американской революции
  - Глава V. Ход американской революции от взятия Бостона до союза с Францией
  - Глава VI. Последние годы американской революции
  - Глава VII. Перерыв в общественной деятельности Вашингтона
  - Глава VIII. Президентство и последние годы Вашингтона
  - Источники

В. Чепинский
Джордж Вашингтон
Его жизнь, военная и общественная деятельность
Биографический очерк

Портрет Вашингтона, гравированный в Петербурге К. Адтом

Введение

Конец XVIII столетия – эпоха крупных общественных переворотов как в Новом, так и в Старом Свете. Незадолго до начала Великой Французской революции разразилась упорная борьба между Англией и ее североамериканскими колониями, добивавшимися полной политической независимости.

Эта борьба, крайне трудная для американцев и потребовавшая от них чрезвычайного напряжения сил, увенчалась полным торжеством колоний над могущественной метрополией и привела к основанию обширной республики – Североамериканских Соединенных Штатов, на долю которых выпала огромная роль в истории человечества. Успехом своим американская революция обязана в значительной мере своему военному вождю – Джорджу Вашингтону, который по окончании борьбы с Англией сделался первым президентом юной заатлантической республики. Джордж Вашингтон – это одна из самых замечательных, оригинальных и светлых личностей, когда-либо действовавших в истории; неудивительно поэтому, что даже трезвые, практичные янки доныне окружают своего любимого национального героя ореолом сверхчеловека, наделяют его, так же как Франклина и Линкольна, всевозможными добродетелями, не допуская в нем ни недостатков, ни слабостей, ни даже ошибок.

Но, по правде сказать, Вашингтон-человек много интереснее, нежели Вашингтон-полубог; хотя жизнь, деяния, мысли, чувства и характер его заключают в себе много поучительного для простых смертных, однако нельзя сомневаться, что были у него и недостатки, как личностные, так и в государственном плане, а также недостатки той эпохи, в какую он жил. Как бы мы ни были далеки от обоготворения героев, но мы не можем не признать, что Вашингтон являет собою крайне редкий пример гармонического сочетания лучших качеств человеческой природы. Такие люди везде, где бы они ни появлялись, распространяют вокруг себя добро и свет, ибо они ближе, чем прочие люди, подходят к идеалу человека. При удивительной доброте они отличаются мощным духом, благодаря которому спокойно относятся ко всем превратностям жизни; не задумываясь, пожертвуют личными благами ради торжества истины и справедливости, ради счастья своих ближних. Таков был Вашингтон, характером своим напоминающий скорее героев древности, нежели сынов настоящего времени. При всем этом Вашингтон был также истинным американцем, носителем и выразителем лучших стремлений, чувств и мыслей своей нации, а потому он более, чем

кто-либо другой, способен был осуществить народное дело. Хотя родился и воспитался он в зажиточной, даже аристократической среде, но в нем глубоко внедрены были демократические тенденции свободолюбивых американских колонистов; к тому же это был настоящий “maker of himself” (самоучка во всех смыслах), самому себе обязанный и своими знаниями, и выработкой воли, как это и подобает американцу.

Он верил всею душой в непоколебимость демократических принципов, верил, что политическая самостоятельность сделает его соотечественников счастливее, создаст для них более достойную жизнь, а потому всякие честолюбивые замыслы были ему чужды, и он далек был от того, чтобы злоупотребить своей военной властью так, как Кромвель или Наполеон, хотя легко мог бы пойти по стопам их; но нарушение доверия народа казалось ему святотатством. Глубокий ум, соединенный с практическим смыслом настоящего янки, неистощимая энергия, непоколебимая воля, нравственная принципиальность, и при всем том простота и скромность – привилегия истинно великих натур, – всеми этими качествами Вашингтон обладал в высокой степени; лучшего вождя вряд ли удалось бы найти американцам, в то время еще весьма слабым по сравнению со своими врагами. Как он применял к делу свои способности, как умел понимать настроение, нужды войска и народа, в какой степени личность его могла руководить ходом исторических событий, покажет подробное его жизнеописание в связи с общественными, политическими и экономическими фактами, среди которых ему пришлось действовать.

Глава I. Детство и юность Вашингтона

Предки Вашингтона. – Его детство. – Смерть отца. – Влияние матери. – Школа. – Жизнь в доме старшего брата. – Военные наклонности. – Первая любовь. – Знакомство и дружба с лордом Томасом Фэрфаксом. – Вашингтон – общественный землемер

Немногие американцы могут похвалиться такой родословной, как Джордж Вашингтон; впрочем, родословная эта, по собственному признанию Вашингтона, не имела особенного значения в его глазах. Он происходил от родовитой английской аристократии, появляющейся в истории уже в XII веке. Вашингтоны в Англии были рыцарями-ленниками епископа Дургамского и прославились своими походами против диких скоттов. В XVI столетии род Вашингтонов распался на несколько ветвей. Родоначальником той ветви, от которой происходил вождь американской революции, был Лоренс Вашингтон, мэр города Нортгэмптона, во время реформации усердно помогавший Генриху VIII расхищать монастырские владения. За это ему пожаловано было поместье Сульгрев, и потомки его пользовались благоволением и милостями английских королей – как Тюдоров, так и Стюартов, а потому отличались горячей преданностью престолу Англии. Полковник Джеймс Вашингтон поплатился даже жизнью, сражаясь за короля Карла I. Другой полковник, Генри Вашингтон, около того же времени прославился геройскою защитой доверенного ему королем города Ворчестера и снискал себе удивление и уважение даже своих врагов-революционеров.

После смерти Карла I, когда Кромвель начал беспощадно преследовать приверженцев короля, они один за другим стали переселяться в Северную Америку, главным образом в Виргинию. Туда же, в 1657 году, переселились обедневшие правнуки Лоренса Вашингтона. Один из них, Джон, приобрел себе поместье на реке Бридж-Крик, притоке Потомака, в графстве Вестморленде. Женившись на богатой девушке, он сделался одним из самых крупных плантаторов Виргинии, а впоследствии, участвуя в походе против индейцев, оказал своей новой родине большие услуги. Внук Джона, Августин, отец знаменитого борца за свободу Америки, родился в 1694 году. Он получил высшее образование в Англии, а после возвращения оттуда занялся сельским хозяйством в унаследованных им землях и мало-помалу значительно расширил свои владения. Августин Вашингтон был

женат два раза. От первого брака у него было два сына – Лоренс и Августин; от второго – с красивой, умной Мэри Болль – четыре сына и две дочери. Старший из них, Джордж, родившийся 22 февраля 1732 года в отцовском поместье на реке Бридж-Крик, сделал имя Вашингтонов бессмертным.

Вскоре после рождения Джорджа его семья переехала в другое имение, находившееся в графстве Страффорд, недалеко от города Фредериксбург. Здесь прошли детство и юность Джорджа Вашингтона. Чтению, письму и цифири он научился в школе приходского пономаря Гобби, который сам обладал весьма скудными познаниями. К счастью, Джордж имел возможность расширять свои знания в семье во время и после окончания "курса наук" у Гобби. Отец Джорджа, который был для своего времени очень образованным человеком, любил запросто беседовать со своими детьми на разные темы, стараясь развивать их и заронить в их душу любовь к труду и к правде. Старшего сына от первого брака, Лоренса, как своего наследника он отправил в Англию для получения высшего образования; Джорджу приходилось довольствоваться меньшим. Зато Джордж пользовался всеми благами здоровой деревенской жизни на чистом воздухе и, крепкий, здоровый от природы мальчик физически развивался как нельзя лучше. Замечательно, что одною из любимых его игр была игра в солдаты со сверстниками. Это было, впрочем, вполне естественно, если принять во внимание окружавшую его атмосферу. Брат его Лоренс, вернувшись из Англии, принял участие в войне между Англией и Испанией. Он не раз имел случай сражаться с испанцами, и невольно действовал на младшего брата своим военным воодушевлением, приготовляясь к походу. Да и вся Виргиния в это время была охвачена военной горячкой, и молодежь не замедлила также заразиться ею. Джордж устраивал полки из своих школьных товарищей, обучал их маршировать и даже задавал сражения – на этот раз как главнокомандующий школы Гобби.

По окончании войны Лоренс Вашингтон вернулся домой, но больше на военную службу ему поступать не пришлось, так как в апреле 1743 года внезапно скончался отец, и Лоренс становился главою семьи. По отцовскому завещанию он получил имение на берегу реки Потомак; второй сын от первого брака, Августин, получил родовое имение в Вест-Порленде, а Джорджу предназначалось то поместье, где он вырос и где отец с семьею провел свои последние годы.

Вскоре после смерти отца Лоренс, несмотря на разницу лет, очень любивший Джорджа, женился на мисс Анне Фэрфакс и

поселился в своем имении на реке Потомак, назвав это поместье Маунт-Вернон в честь адмирала Вернона, под начальством которого он служил во флоте.

Вдова Августина Вашингтона с детьми осталась жить в имении, находившемся в графстве Стаффорд. Согласно завещанию мужа Мэри Вашингтон была назначена опекуншею своих детей и предназначавшегося им имущества. Она, как оказалось, была вполне достойна такого доверия. Это была женщина с недюжинным природным умом, здоровыми инстинктами и сильной волей. Несмотря на свои грубоватые манеры и суровый вид, она отличалась простотою и добрым сердцем. Много времени отнимали у нее разные заботы по хозяйству; но она умела находить свободные часы и посвящать их умственному и нравственному воспитанию своих детей. Как своими беседами с ними, так и примером своей жизни она старалась внушить им сознание долга, уважение к человеческой личности и умение сдерживать внешние проявления своего темперамента. Джордж очень походил лицом и характером на мать; в детстве он часто обнаруживал вспыльчивый и неукротимый нрав, но все эти шероховатости его характера мало-помалу сглаживались под разумным влиянием матери. Она часто читала своим детям вслух выдержки из книг религиозного и нравственного содержания, касаясь при этом всевозможных житейских отношений; особенное впечатление на Джорджа произвели “Размышления религиозного и нравственного характера” Гейля; к этой книге он всю жизнь питал пристрастие и почти никогда не расставался с нею.

Мэри Вашингтон была не из тех матерей, которые метят своих сыновей в генералы. Она была чужда всякого тщеславия и вовсе не мечтала о том, чтобы сын ее хватал звезды с неба. Прежде всего, ей хотелось, чтобы Джордж был хорошим сельским хозяином, чтобы он заменил отца младшим братьям и сестрам, а для матери был бы опорой в старости. Через некоторое время после смерти мужа она отправила Джорджа в имение его брата Августина для посещения находившейся поблизости школы Вильямса, где Джордж мог приобрести все необходимые для сельского хозяина познания. Эту школу Джордж посещал в течение нескольких лет, изучая там математику, геометрию и межевое искусство. В школе Вильямса не обучали ни литературе, ни иностранным языкам, а потому Вашингтон никогда не знал никакого языка, кроме английского. Английским языком он владел в совершенстве, но этим обязан был скорее себе, чем школе. Путем упорных и долгих упражнений он научился выражаться кратко и ясно. В свободные от занятий часы

переписывал выдержки из немногих книжек, попадавшихся ему под руку, или излагал прочитанное своими словами; тетради его, сохранившиеся доныне, свидетельствуют о прилежании и усидчивости, поразительных для мальчика его возраста. Тщательно отделывал он свой слог, когда писал изложения, – об этом можно судить по помаркам; тщательно копировал каллиграфические образцы, и мало-помалу выработал четкий, красивый почерк и прекрасный слог. Замечательно, что он с детства чрезвычайно любил переписывать деловые бумаги – завещания, контракты, векселя и т.п. Он, очевидно, и сам вполне серьезно готовился к роли сельского хозяина, стараясь приобрести все необходимые для этой цели практические познания. Особенно усердно изучал он “Спутник молодого человека”, откуда почерпал сведения о том, как держать себя в обществе, как писать письма и деловые документы, как размежевывать земли, строить дома, приготовлять чернила и сидр, разводить деревья, подавать первую помощь в болезнях и так далее. Тетрадки Джорджа свидетельствуют о полном отсутствии у него художественного дарования – все они отличаются деловым тоном, доходящим до сухости. Нечего и говорить, что весьма многие из приобретенных им практических познаний пригодились ему впоследствии. В умении составлять деловые бумаги он мог соперничать с любым юристом.

В свободное время Джордж Вашингтон с увлечением предавался физическим упражнениям – бегу, прыжкам, состязаниям и прочему, а главным образом – верховой езде. Уже в 14 лет он без труда объезжал самых необузданных лошадей и считался превосходным наездником. Физическое развитие Джорджа не отставало от умственного, и это способствовало тому, что из него вышел такой уравновешенный человек. Среди товарищей Джордж пользовался любовью, особенно за свою прямоту и правдивость. Нередко он в качестве третейского судьи улаживал разногласия и споры между школьниками, – роль, которую впоследствии, будучи главою Американского Союза, не раз приходилось ему исполнять в ином масштабе.

Каникулы и праздники Джордж часто проводил в Маунт-Верноне, в семье своего брата Лоренса, который имел на него сильное влияние и вполне заменял ему отца. Лоренс в это время был членом законодательного собрания Виргинии и в то же время военным начальником того округа, где находилось его имение. Лоренс познакомил Джорджа с семьей своего тестя, лорда Вильяма Фэрфакса. Сам лорд Вильям, живший в имении Бельвуар, был человек образованный и бывалый; свою старость он решил провести в Виргинии, где управлял обширными

поместьями своего брата, лорда Томаса. Семья Фэрфаксов принадлежала к изысканной английской аристократии, и в ней-то молодой Джордж получил окончательную светскую шлифовку. Вопрос о поведении в обществе сильно занимал Джорджа, и он сам составлял со свойственною ему обстоятельностью правила для своего руководства. До нас дошли многие из этих правил, по правде сказать, довольно наивных и курьезных. Рядом с такими: “При всяком действии в обществе следует принимать во внимание чувства и взгляды присутствующих”, – можно найти и такие: “Находясь в обществе, не распевайте себе под нос, не барабаньте пальцами и не стучите ногами”, или: “Не спите, когда другие говорят; не сидите, когда другие стоят; не говорите, когда следует молчать” и так далее. Впрочем, Вашингтон составлял этот кодекс вполне серьезно и серьезно же проводил его в жизнь.

В Маунт-Верноне, между прочим, пробудились и военные наклонности Вашингтона. Лоренс был всей душою предан военному делу; кроме того, в доме его нередко собирались капитаны военных английских кораблей, стоявших на якоре в Потомаке, а также провинциальные офицеры Виргинии; Джордж то и дело слышал разговоры на разные военные темы; описания битв, воспоминания о скитаниях по морю, о борьбе с пиратами – все это глубоко действовало на впечатлительного, энергичного мальчика, которого невольно тянуло к такой жизни, полной опасностей и приключений. В 14 лет он заявил о своем желании поступить на морскую службу, но встретил сильное сопротивление со стороны матери, которая в последнюю минуту взяла свое первоначальное вынужденное согласие обратно, не решаясь подвергать своего первенца опасностям, сопряженным с военной жизнью. Делать было нечего: Джорджу пришлось подчиниться матери и вернуться в школу Вильямса. Так как в этой школе Джордж приобрел кое-какие сведения по межеванию земель, и так как труд землемера в Виргинии прекрасно оплачивался, то Джордж решил взяться за эту профессию. Границы виргинских поместий в то время не были еще точно установлены, землемеров же было мало, а потому это был план весьма практический. В течение двух лет Вашингтон обстоятельно и серьезно изучал землемерное искусство как теоретически, так и практически, настойчиво доводя до конца все предпринимаемые им работы.

Спокойное деловое настроение Вашингтона было нарушено в это время маленьким несчастьем: он влюбился, но без взаимности. Это событие занесено в его дневник, который он вел с десятилетнего возраста. Пятнадцатилетний юноша чувствовал себя глубоко несчастным, пытался изливать свое горе в стихах,

которые, однако, не обнаруживают ни малейшего поэтического дарования; видно только, что он был очень чувствителен к женской красоте. Кто был предметом его первой нежной страсти – неизвестно; сам он видит главную причину своего несчастия в отсутствии смелости и в нерешимости открыть “свое тоскующее, истекающее кровью сердце”. Вероятно, его мучения объясняются невниманием особы, “поразившей его сердце стрелою Купидона”, ко вздохам и ухаживаньям мальчишки-школьника. Во всяком случае, эта страсть надолго нарушила душевный покой пылкого юноши, и впоследствии, даже в зрелые годы, он всегда был молчалив и застенчив в обществе женщин.

Окончив школу Вильямса, Джордж поселился в Маунт-Верноне. Школьное образование было окончено, но далеко не удовлетворяло, так что он всячески старался его пополнить. В Маунт-Верноне он по несколько раз перечитывал попадавшиеся ему под руку немногие книги, упражнялся в межевании, хотя и здесь несчастная любовь по временам сильно мешала ему работать. Иногда юноша целыми часами бродил по лесам, стараясь утешить свою истерзанную душу на лоне природы.

Нередко он посещал семью Фэрфаксов и подружился со старшим сыном лорда Вильяма, Джорджем. Вашингтону было в ту пору 16 лет, но благодаря своему высокому росту и крепкому телосложению он производил впечатление вполне возмужалого юноши. Он был сдержан не по летам, отличался солидными манерами, соединенными с простотою и скромностью, и пользовался общим уважением. Внутренняя борьба, пережитая им, придала более определенный характер его нравственной личности; внешний же меланхолический вид придавал всей его фигуре особенную прелесть.

Часто бывая у Фэрфаксов в Бельвуаре, Вашингтон познакомился с настоящим владельцем этого имения, лордом Томасом Фэрфаксом, недавно прибывшим из Англии с целью поселиться в Виргинии. Этот человек, имевший немалое влияние на характер и жизнь Вашингтона, был чистокровный аристократ, очень светский и в то же время очень образованный, с развитыми литературными и художественными вкусами. Неудачная любовь, однако, имела на него такое огромное влияние, что он навсегда решил покинуть суетную светскую жизнь и долгое время скитался по свету, наезжая и в свои виргинские имения. Величественная природа и приятный климат Виргинии настолько пришлись ему по душе, что в старости он навсегда решил здесь поселиться. Несмотря на резкие черты лица и эксцентричные манеры, это был добрый старик, легко сходившийся с людьми, и в его обществе молодой Вашингтон победил свою меланхолию. Вместе с лордом

Томасом Джордж охотился на лисиц, – что старик считал самым верным средством от несчастной любви; Вашингтон сильно пристрастился к этому виду спорта и привязался к лорду Томасу, который, со своей стороны, полюбил энергичного юношу; дружба между ними продолжалась около двадцати лет.

Желая избрать себе постоянное место жительства у подножия Аллеганских гор, лорд Томас решил размежевать свои владения в этой местности и положить конец расхищениям, которые производились в его землях разным пришлым людом. Лорд Томас видел землемерные работы Вашингтона в окрестностях Маунт-Вернона и, зная характер, физическую силу, ловкость и отвагу своего молодого друга, решил именно ему поручить размежевание своих земель, что представило немалые трудности в дикой стране с ее дикими обитателями. Вашингтон с радостью принял предложение лорда Томаса размежевать его земли за денежное вознаграждение, и в середине марта 1748 года вместе с Джорджем Фэрфаксом отправился в лесные дебри Америки.

Молодые люди поехали верхом в сопровождении нескольких слуг. Перевалив через Голубые горы, они очутились в живописной долине Шенандоа, на западе которой были расположены Аллеганы. Долина эта орошалась многоводной рекой Шенандоа (“Дочь звезд”); природа кругом была очаровательная. На горах еще лежал снег, но бесчисленные потоки низвергались с шумом с высот, и в долине уже царила весна. Вашингтон записывал все свои впечатления и наблюдения в дневник; но, по-видимому, его интересовала не столько природа, сколько те материальные выгоды, которые можно было извлечь из ее разумной эксплуатации. В дневнике, по крайней мере, коммерческая точка зрения преобладает над поэтической. Правда, Вашингтон упоминает и о красоте лесов, гор и рек, восхищается вековыми деревьями, рощами сахарного тростника, – но лишь мимоходом. Его больше интересуют качества почвы, орошение, поверхность и расположение земельных участков. Как истинный практический делец Вашингтон всецело ушел в порученный ему труд, усердно снимал планы земель, лежащих при слиянии Шенандоа с Потомаком, а затем по левому берегу Потомака. Здесь приходилось ему сталкиваться с немецкими эмигрантами, обрабатывавшими часть измеряемых им земель, а затем и с краснокожими; ему удалось видеть военную пляску индейцев вокруг костра под звуки музыки, производимой пустой тыквой, наполненной дробью, и ударами в котел, наподобие барабана обтянутый кожей. Впоследствии Вашингтон отлично изучил нравы индейцев и научился вести с ними дела.

Так прожил Вашингтон около месяца, проводя дни и ночи под

открытым небом и усердно занимаясь чертежами и измерениями. От дождя он спасался вместе со своими спутниками в шалаше, сооруженном из древесных ветвей, а в хорошую погоду ночевал на медвежьей шкуре или на охапке соломы около костра. Вашингтон как нельзя лучше умел применяться ко всякой жизни, довольствуясь в случае нужды самым малым, нередко лично поджаривая себе дичь на самодельном вертеле и находя в подобной жизни немало прелести. Наконец 12 апреля Вашингтон вернулся в Маунт-Вернон, прекрасно исполнив возложенное на него поручение, к великому удовольствию лорда Томаса, который щедро вознаградил молодого землемера.

Вскоре после этого Вашингтон назначен был общественным землемером графства Фэрфакс и более трех лет исполнял эту обязанность со свойственным ему усердием и добросовестностью, проводя целые месяцы в глубине лесов и основательно знакомясь с характером страны и ее жителей. Нередко проводил он по несколько дней у лорда Томаса, поселившегося навсегда в глуши, к западу от Голубых гор, в имении Гринвей-Курт. Сюда стекалось множество всякого народа, так как старый лорд был чрезвычайно гостеприимен ко всем, не исключая диких индейцев и грубых колонистов. Лорд Томас привез с собою из Англии много книг, и, когда было возможно, Вашингтон с наслаждением предавался чтению. Таким образом он основательно изучил историю Англии и вообще значительно расширил свой умственный горизонт. Так протекли юные годы Вашингтона. Жизнь в девственных лесах закалила его, сделала опытнее; брат его Лоренс и лорд Томас в значительной степени способствовали его умственному развитию. Еще не достигнув 20 лет, Вашингтон был вполне подготовлен к тому, чтобы взять на себя ответственное общественное дело. Такое дело скоро представилось и выдвинуло Вашингтона на арену истории.

Глава II. Война с французами и начало военной деятельности Вашингтона

Причины войны между Англией и Францией. – Приготовление Вашингтона к военной службе. – Поездка в Вест-Индию и смерть Лоренса. – Посольство Вашингтона для переговоров с французами. – Начало военных действий. – Капитуляция форта Нецессити. – Кампания генерала Брэддока. – **Вашингтону** ***поручается командование виргинской милицией. Вытеснение французов из Виргинии. – Женитьба Вашингтона. – Вытеснение французов из Канады. – Следствия войны для Америки***

Между владениями французов и англичан в Америке границы не были точно установлены, а потому нередко возникали распри между обоими народами, доказывавшими друг другу свои права на обладание роскошным бассейном реки Миссисипи. Особенно лакомым куском как англичанам, так и французам казались земли по реке Огайо, покрытые богатой девственной растительностью и ставшие яблоком раздора между обоими народами.

Так как земли по реке Огайо были населены воинственными индейцами, то французы со своей стороны, а англичане со своей всячески старались привлечь к себе краснокожих. В половине XVIII столетия Англии удалось заключить союз со многими индейскими племенами; французы же, считая земли по Огайо своей собственностью, стали брать в плен английских торговцев, появлявшихся в этой местности. Дело принимало серьезный оборот, и, предвидя скорую войну, обе стороны начали деятельно готовиться к ней.

Виргиния была первой английской колонией, где пробудился военный дух. Она разделилась на военные округа, во главе которых стояли майоры, заведовавшие набором и обучением солдат. На эту должность был призван, по рекомендации своего брата Лоренса, юный Джордж Вашингтон, уже успевший снискать себе общее доверие и уважение.

Молодой Вашингтон был в восторге от этого назначения и, по своему обыкновению, методично и терпеливо стал готовиться к новому делу. Маунт-Вернон, где еще недавно он изливал в стихах свои любовные страдания, теперь превратился для него в военную школу. Он усердно занимался военной тактикой, стратегией,

обучался фехтованию, стрельбе, читал военные сочинения, записывая в дневник все поражавшие его мысли. Но вскоре занятия эти пришлось прервать, чтобы сопровождать давно уже хворавшего чахоткой брата Лоренса на остров Барбадос в Вест-Индии, куда посылали его врачи. По этому случаю Джордж впервые совершил большое путешествие по морю; судя по его запискам, он, впрочем, не столько интересовался красотой морских пейзажей, сколько направлением ветров, климатическими условиями и т. д. Едва приехав в Барбадос, Джордж заболел оспой, от которой оправился только благодаря уходу нежно любившего его брата; но следы оспы навсегда остались на его лице. Тропическая природа Вест-Индии произвела на него сильное впечатление; вместе с тем, он не упускал случая исследовать почву, наблюдать нравы жителей, общественные учреждения и охотно посещал театр, – удовольствие, до тех пор неведомое для него.

Однако пребывание на Барбадосе не восстановило сил Лоренса; к тому же он так тосковал по семье, что Джордж по просьбе брата отправился за его женой и ребенком, намереваясь привезти их в Вест-Индию. Джорджу пришлось ехать в Маунт-Вернон зимой, когда, вследствие частых бурь, морское плавание было замедленным и опасным; корабль, на котором он плыл, чуть было не потерпел крушение, о чем подробно говорится в дневнике. В отсутствие Джорджа Лоренс стал еще сильнее тосковать по своей родной Виргинии, и раннею весной отправился сам в Маунт-Вернон. Дорога так изнурила его, что, едва успев добраться до дому, он скончался в кругу своей семьи, 34 лет от роду. Это было большим горем для Джорджа, так как он в лице Лоренса потерял лучшего друга, вполне заменявшего ему отца. Имение Маунт-Вернон, согласно отцовскому завещанию, в случае смерти Лоренса должно было достаться Джорджу, который скоро и вступил в управление этим обширным поместьем. Маунт-Вернон на всю жизнь остался любимым местопребыванием Вашингтона, где он находил покой и отдых от трудов и тревог общественной жизни.

Между тем, отношения французов и англичан продолжали обостряться. Французы строили крепости, снаряжали флот и теснили колонистов-англичан; наконец, виргинский губернатор Динвидди решил сделать по этому поводу представления коменданту главной французской крепости на реке Френч-Крике. Кроме переговоров с французами, необходимо было еще снабдить союзных индейцев оружием и привлечь как можно больше краснокожих на сторону англичан; для выполнения этой миссии нужен был смелый, проницательный человек, – и выбор

губернатора пал на Вашингтона, после смерти брата снова занявшего пост майора.

Поздней осенью 1753 года Вашингтон с несколькими спутниками направился к озеру Эри, близ которого находилась главная квартира французов; один из товарищей Вашингтона, Джист, знал язык индейцев. Дороги и погода были отвратительны, и путешествие продолжалось больше месяца по пустынным местностям, населенным дикарями. Во время этого путешествия Вашингтон сумел привлечь на свою сторону несколько индейских племен и многое разузнать о силе французского войска и об устройстве французских укреплений. Между прочим, он узнал, что французы уже весною собираются начать войну, рассчитывая быстротой своих действий взять перевес над более многочисленными, но медлительными англичанами. Прибыв на место своего назначения, Вашингтон передал коменданту французской крепости письма и документы, врученные ему губернатором. Губернатор в своем письме категорически заявлял, что земли на Огайо принадлежат английской короне, и требовал перемены образа действий французов относительно англичан. Пока французы совещались по поводу ответа, Вашингтон осмотрел крепость и даже успел набросать ее план.

Получив ответ коменданта, и, надо сказать, ответ весьма уклончивого характера, Вашингтон отправился в обратный путь. Стоял декабрь. Река была запружена плавучими льдами, так что плыть на лодках было почти невозможно; пробираться сухим путем было не легче из-за массы выпавшего снега. Наконец Вашингтон, торопившийся назад, принужден был покинуть своих спутников и своих лошадей и отправиться пешком вдвоем с Джистом, отыскивая дорогу сквозь леса по компасу и на каждом шагу встречая новые затруднения и опасности. Неустрашимые путешественники не падали духом, хотя не раз сбивались с пути, выбивались из сил, ночевали на снегу и не предвидели конца своим скитаниям; к тому же они знали, что шайки индейцев, дружественных французам, следят за ними. Один индеец, взявшийся показать им дорогу, завел их далеко в сторону и даже стрелял в Вашингтона – к счастью, не попав в него. Совершенно разбитые, с трудом отделавшись от опасного индейца, добрались они до реки Аллеганы. Река эта, однако, не замерзла, как они ожидали; только берега покрылись ледяной коркой, а посередине реки с неудержимой силою несся плавучий лед. Между тем перебраться на другой берег было необходимо. Кое-как соорудив плот при помощи одного только топора, путники спустили его на воду; но плот понесло вниз по течению, несмотря на отчаянное

сопротивление Вашингтона, упиравшегося шестом в дно реки. Вдруг о шест ударилась огромная глыба льда, Вашингтон потерял равновесие и полетел в воду. Вынырнув, он схватился за край плота и таким образом спасся. Пришлось пристать к островку на середине реки и здесь ночевать. Холод был страшный; Джист ночью отморозил себе руки и ноги, и можно себе представить, что чувствовал Вашингтон после ледяной ванны. К утру, однако, лед окреп настолько, что измученные путешественники без труда перебрались на другой берег. Затем они продолжали свой путь в Вильямсбург – резиденцию губернатора, куда прибыли в январе 1754 года. Вашингтон вручил губернатору письмо коменданта и дал подробный отчет о своей миссии, в которой обнаружились выдающиеся военные способности молодого майора, успевшего не только вступить в дружбу с индейцами, но и подробно разведать положение неприятеля и обозначить места, наиболее удобные для постройки крепостей. Виргиния имела полное основание гордиться им и возлагать на него большие надежды.

Сведения, собранные Вашингтоном, ясно показывали, что необходимо готовиться к обороне, и губернатор распорядился, чтобы при слиянии рек Мононгахила и Аллегейни была выстроена крепость.

В это время английскому правительству трудно было добиться от колоний каких бы то ни было жертв в пользу короны, так как место английского патриотизма начал занимать патриотизм колониальный, и оппозиционный республиканский дух уже достиг угрожающих размеров. С большим трудом набирались полки; Вашингтону, сделанному подполковником, приходилось вербовать солдат из всякого бесприютного сброда; фермеры отказывались идти на войну из-за ничтожного жалованья. Только обещание губернатора разделить 200 тысяч акров земли по Огайо между участниками войны после ее окончания побудило молодых фермеров охотнее записываться в рекруты.

Наконец в апреле Вашингтон, усердно занимавшийся обучением новобранцев, мог выступить в поход во главе трех недурно сформированных отрядов. Он получил предписание сохранять оборонительное положение; но, узнав, что французы завладели недостроенной английской крепостью на Огайо, назвав ее фортом Дюкен, Вашингтон решил атаковать неприятеля везде, где это окажется возможным.

После многих трудных переходов по местности, где шаг за шагом приходилось пролагать дорогу для перевозки тяжелого оружия, Вашингтон дошел до местности, известной под названием Большие Луга. Судя по письмам Вашингтона, он был в

это время полон отваги и воодушевления и был готов “даже без вознаграждения служить королю и отечеству”. Это бескорыстие навсегда осталось отличительной чертой Вашингтона, хотя впоследствии он понял, что служба отечеству бывает иногда важнее службы королю.

В конце мая союзные индейцы уведомили Вашингтона, что вокруг него уже несколько дней бродит отряд французов. Взяв с собой лишь 40 человек, Вашингтон в ту же ночь отправился по темному, дремучему лесу в то место, которое указывали ему индейцы. Вскоре после восхода солнца он набрел на отряд французов, состоявший из 30 человек: они засели в глубоком овраге, и Вашингтон, горя нетерпением сразиться, первый очутился на краю оврага; увидев, что французы схватились за оружие, он скомандовал атаку. Французы пытаются остановить англичан, выдавая себя за парламентеров, но Вашингтон понимает, что имеет дело со шпионами, и начинается бой – первая стычка Вашингтона с неприятелем. Англичане убили начальника французского отряда, Жюмонвилля, и десятерых французов, остальных забрали в плен. Вашингтон так разгорячился во время борьбы, что стоял в самом жарком огне, не замечая этого, и спасся каким-то чудом.

Эта стычка была сигналом к семилетней войне между Францией и Великобританией. Так как в это время война не была еще объявлена, то каждое из правительств обвиняло другое в нарушении мира. Французы называли Вашингтона убийцей Жюмонвилля; но Вашингтон доказал, что имел полное основание считать Жюмонвилля шпионом, что подтверждалось, между прочим, бумагами, найденными при Жюмонвилле.

Под командой Вашингтона находилось в это время 400 человек, и с их помощью он соорудил нечто вроде укрепления на месте, где стоял его лагерь. Так возник форт Нецессити, который в начале июля был атакован 1500 французами. Несмотря на все старания Вашингтона и на личное участие его в работах, форт укреплен был плохо, и англичанам пришлось согласиться на предлагаемые французами условия капитуляции. Условия эти заключались в том, что отряду Вашингтона разрешалось отступить, обязавшись в течение года не делать нападений на французов.

Несмотря на неудачный исход экспедиции, виргинское законодательное собрание выразило Вашингтону благодарность за услуги, оказанные отечеству. Вскоре, однако, оскорбленный тем, что губернатор решил уничтожить в виргинской армии чины выше капитана, Вашингтон, дороживший своим чином подполковника, дарованным ему по желанию народа, вышел в

отставку и отправился в Маунт-Вернон. Там он с нетерпением ожидал возможности вступить в армию, не теряя своего достоинства. Это его желание скоро исполнилось.

В начале весны 1755 года Англия наконец приняла участие в войне своих колонистов с французами. В Виргинию прислано было два регулярных полка под начальством генерала Брэддока, который решил отнять у французов крепость Дюкен. Брэддок был храбрый воин, хорошо знакомый с военным делом, как оно было поставлено в Европе; но он не знал ни страны, куда явился, ни приемов войны, заимствованных плантаторами у индейцев. Пришлось привлечь к делу офицеров из американцев, лучше посвященных в местные условия; между прочим, наслышавшись об опытности Вашингтона, Брэддок старался и его привлечь в свое войско. Вашингтон с радостью согласился, рассчитывая быть полезным английскому генералу, и поступил в его штаб в качестве волонтера; вскоре, однако, он назначен был адъютантом Брэддока. Но Брэддок как рутинер никак не мог освоиться с новыми условиями, в которых приходилось сражаться; тем не менее, он не решался следовать советам своего молодого адъютанта и с недоверием относился к планам Вашингтона, казавшимся ему неприложимыми к делу. Несмотря на просьбы и возражения Вашингтона, Брэддок непременно хотел подчинить виргинских стрелков европейской дисциплине; высокомерно относясь к диким индейцам, он не желал заключать союзов с индейскими племенами и пользоваться услугами индейских разведчиков; и вместо того, чтобы, не теряя времени, двигаться вперед и напасть на неприятеля, пока силы его еще были рассеяны, английский генерал хотел совершить поход по всем правилам военного искусства, так что на каждом шагу приходилось останавливаться среди дремучих лесов, лишенных всяких путей сообщения. Образ действий генерала приводил Вашингтона в отчаяние; душевное состояние его еще более ухудшилось, когда вдруг посреди экспедиции он опасно захворал, так что его пришлось тащить по почти непроходимым местам в экипаже, где он предавался самым безотрадным мыслям. Англичане между тем приближались к форту Дюкен; в день переправы через реку Мононгахила Вашингтон, еще больной, сел верхом на лошадь и занял свое место рядом с генералом. Едва успели солдаты Брэддока перебраться на другой берег и в наилучшем порядке вступить в лес, как вдруг на авангард со всех сторон посыпался град пуль. Неприятель, однако, был невидим. Солдаты пришли в замешательство; одни виргинцы, привыкшие к подобным неожиданностям, сохранили хладнокровие. Не обращая внимания на запрет генерала, они рассыпались по лесу,

чтобы, на манер индейцев, сражаться, спрятавшись за деревья; регулярные отряды стали отступать, и скоро началась такая паника, что все усилия Брэддока восстановить порядок оказывались бесполезными. В течение трех часов французы и индейцы, спрятавшиеся за деревьями и в оврагах, обстреливали англичан, из которых половина осталась на месте. Генерал и лучшие его офицеры были смертельно ранены.

Во время битвы Вашингтон, несмотря на свою физическую слабость, проявил изумительную смелость и присутствие духа. Под градом пуль он бросался во все стороны, стараясь остановить бегущих и ободрить их своим примером; под ним убито было две лошади, сюртук его был прострелен в нескольких местах, но сам он остался невредимым. Все старания его поддержать мужество английских солдат были, однако, тщетны. Битва была безвозвратно проиграна. “Нас позорно побили, – писал Вашингтон, – мы побиты горстью французов, которые, вероятно, хотели только помешать нашему движению. Я убежден, что французов было не больше 300 человек, тогда как наше войско насчитывало до 1300 человек. Виргинцы проявили замечательную храбрость и почти все погибли – благодаря позорному поведению так называемого регулярного войска~”

В самом безнадежном настроении отправился Вашингтон в свое имение, желая навсегда бросить военную деятельность. Но образ действий Брэддока и его солдат только усилил популярность и славу Вашингтона; в нем одном видели спасение его соотечественники после злосчастной битвы на реке Мононгахила. Наиболее почтенные виргинцы в один голос умоляли его стать во главе колониальной милиции, и губернатор, не желая возбуждать разногласий, согласился на все условия, поставленные ему Вашингтоном, и назначил его главнокомандующим Виргинии с чином полковника. Между прочим, Вашингтон сохранил за собою право назначать офицеров. Три года (1755 – 1758) он был главнокомандующим виргинскими войсками; эти три года были для него целым рядом неприятностей и мучений, не дававших ему ни минуты покоя.

Законодательное собрание ассигновало средства на составление отряда в 1500 человек для защиты границы, весьма неопределенной и тянувшейся на протяжении нескольких сотен миль. Индейцы в эту пору огнем и мечом опустошали страну, потом на время исчезали, а затем снова появлялись в еще больших количествах. Вашингтону приходилось постоянно и безуспешно преследовать их; везде после них оставались развалины и трупы. Население колоний не знало, куда приткнуться, и усваивало себе дикие привычки кочевников,

забывая о нравственном чувстве, об общественных связях. Право сильного становилось законом для колонистов; бродячими толпами являлись они в укрепления и старались склонить солдат к участию в их разбойнической жизни. Это им часто удавалось: солдаты, счастливо спасшиеся от засад индейцев, дезертировали, и Вашингтон терял, таким образом, последних своих подчиненных. Говорить о дисциплине, о порядке в армии при таких обстоятельствах было невозможно. Если прибавить к этому постоянные препирательства между колониальными и королевскими офицерами из-за чинов, а также несправедливые нападки общественного мнения, то получим довольно полную картину того, что испытывал Вашингтон. Не раз думал он бросить взятое на себя дело, и только вера друзей в его силы и сознание долга удерживали его от этого. Несмотря на непокорность армии, несмотря на свои неудачи, на страдания самолюбия, он не покинул поста, на котором один мог достойно служить своей родине. Не падая духом, он продолжал непрерывную борьбу с внешними врагами и с внутренними неурядицами. Это была для него суровая школа, сформировавшая его ум и характер, сгладившая противоречия его бурной и страстной натуры и приблизившая его к той гармонической цельности, какой редко удавалось достигать людям.

Когда во главе английского министерства стал Питт, сумевший сделать политику Англии более энергичной и влиятельной, положение Вашингтона стало несколько лучше. В Америку посланы были три дивизии, под главным начальством генерала Аберкромби, причем две дивизии должны были действовать на севере, а третья, под предводительством бригадира Форбса, отправлена была в Виргинию, получив предписание овладеть фортом Дюкен. Кроме того, Питт понял, что необходимо уравнять в правах и чинах офицеров (до полковника включительно) колониальной и королевской армии, чтобы уничтожить постоянные пререкания, мешавшие единодушию войска; таким образом, осуществлялась мера, которую Вашингтон давно уже считал чрезвычайно важной и которая действительно облегчила положение дел. Форбс знал, что неудача Брэддока в значительной мере объясняется его пренебрежением к советам Вашингтона, и потому постоянно совещался с начальником провинциальной милиции. К регулярным английским войскам и к виргинской армии вскоре примкнули пенсильванцы и некоторые другие колонисты в количестве 4500 человек. Под командой Вашингтона находилось около двух тысяч человек, рассеянных, однако, по большому пространству и нуждавшихся в палатках, продовольствии и так

далее. В таком положении находилось дело в конце лета 1758 года. В это время Вашингтон отправился в Вильямсбург с докладом о нуждах своего войска. Эта поездка имела решающее значение для его личной жизни.

По дороге в Вильямсбург Вашингтон познакомился с Чемберленом, имение которого находилось поблизости и который стал упрашивать Вашингтона заехать к нему хоть пообедать, если уж никак нельзя погостить подольше. Вашингтон уступил настояниям гостеприимного помещика, и в доме его впервые встретился с молодой вдовой, Мартой Кэстис. Как по отцу, так и по мужу, г-жа Кэстис, урожденная Дэндридж, принадлежала к уважаемой фамилии, а от мужа унаследовала огромное состояние и имела двух маленьких детей. Это была женщина небольшого роста, но пропорционального сложения; очень красили ее большие темно-карие глаза, прекрасные каштановые волосы и приятное выражение лица. Ее привлекательные манеры и простота в обращении сразу понравились Вашингтону. Несмотря на свою сдержанность и серьезность, он был очень чувствителен к женской прелести, особенно в минуты отдыха от военной жизни, и миссис Кэстис в этот день покорила его сердце. Обед прошел незаметно, и хотя лошади были давно поданы, Вашингтон медлил ехать; наконец он приказал расседлать лошадей и только на следующее утро отправился на место своего назначения. Имение г-жи Кэстис “Белый Дом” находилось недалеко от Вильямсбурга, и Вашингтон проводил у нее все свободные от занятии часы. Но военные обязанности не позволяли Вашингтону долго оставаться в Вильямсбурге, и, боясь потерять миссис Кэстис, у которой и без него было немало поклонников, Вашингтон сделал ей предложение. Красивый молодой офицер, успевший уже приобрести себе славу, столь притягательную для женщин, получил согласие миссис Кэстис, и решено было отпраздновать свадьбу после взятия форта Дюкен.

Но поход против Дюкена состоялся лишь через несколько месяцев. Форбс медлил, и Вашингтону приходилось заниматься прокладыванием новой дороги, так как Форбс не хотел идти по тому пути, где неудача однажды уже постигла Брэддока.

Между тем на севере дела англичан день ото дня улучшались, крепость за крепостью переходили в их руки, и французы, действовавшие на юге, перестали получать с севера подкрепления. Вашингтон торопил Форбса, настаивая на том, чтобы совершить поход по старой дороге, – но напрасно. Наконец, только в начале ноября 1758 года вся английская армия собрана была в один пункт, и решено было двинуться в путь, тем более,

что ходили слухи о слабости дюкенского гарнизона. Вашингтон повел авангард, а за ним форсированным маршем последовали остальные. Беспрепятственно подошло английское войско к форту Дюкен, который, как оказалось, был покинут неприятелем. Потеряв надежду получить подкрепление с севера, французы, узнав о приближении англичан, предпочли удалиться и предоставить им завладеть крепостью без сражения. Правда, французы успели взорвать свои магазины и сжечь все здания, так что Вашингтон застал на этом месте одни развалины. Исправив это укрепление, англичане назвали его в честь своего первого министра фортом Питт.

Так окончилось господство французов в области Огайо, на границах которой снова водворились мир и спокойствие. Вашингтон решил оставить военную службу, как только окончится кампания против форта Дюкен. Здоровье его за несколько лет бивуачной жизни сильно расшаталось, вечные тревоги надоели ему, и душа его жаждала покоя. Еще до взятия Дюкена Вашингтон по совету своих друзей согласился выставить свою кандидатуру в депутаты законодательного собрания, куда и был избран огромным большинством голосов в качестве представителя от графства Фредерике. После взятия Дюкена Вашингтон вышел в отставку и 6 января 1759 года женился на миссис Кэстис. Свадьба была отпразднована в “Белом Доме” в кругу многочисленных друзей и знакомых, как того требовало старинное виргинское гостеприимство.

В том же 1759 году французскому владычеству нанесен был окончательный удар и в Канаде. Однако еще до 1763 года не раз вспыхивали в Канаде восстания, которые англичанам приходилось подавлять с оружием в руках. Наконец, к великой радости американских колоний Англии, заключен был мир.

Война Англии с Францией из-за американских территорий имела важные последствия для американцев. Английским колонистам пришлось в эту войну принести огромные жертвы. Население колоний было разорено, земли опустошены, недовольство положением дел принимало все большие размеры. В народных массах мало-помалу пробуждалось сознание, проявившееся в том, что колонии начали требовать от метрополии возмещения своих убытков. Зарождалась мысль о полном отделении колоний от Англии, и Англия всячески поддерживала эту мысль своими репрессиями против американского населения. Дело в том, что с уничтожением французского могущества в Америке английские колонии не нуждались больше в защите метрополии, – а это, в сущности, было главною связью между Англией и ее колониями; спустя

несколько лет свободолюбивые американцы сумели стряхнуть с себя гнет, вовсе не приходившийся им по вкусу.

Заметим в заключение, что во время войны с французами, которую мы могли рассмотреть здесь лишь в самых общих чертах, Вашингтон не совершил ни одного блестящего подвига, но все-таки вполне заслужил свою популярность и славу. Вся его жизнь за это время может справедливо считаться подвигом; нелегко было иметь дело с неорганизованной армией и заменять недостатки военной организации своими личными достоинствами, не нарушая при этом законов и смело встречая всякую опасность. Опыт, приобретенный им в войне с французами, более чем пригодился ему впоследствии. Вполне подготовленный, взялся он за великое дело освобождения своей родины, благодаря которому стяжал себе право на бессмертие.

Глава III. Деревенская жизнь Вашингтона

Вашингтон – член законодательного собрания. – Жизнь в деревне. – Маунт-Вернон и его окрестности. – Отношение Вашингтона к религии. – Управление имением и времяпрепровождение Вашингтона. – Обхождение с рабами. – Охота и рыбная ловля. – Увеселения. – Жизнь в Аннаполисе. – Осушка болот

После свадьбы Вашингтон прожил с женой три месяца в ее поместье, носившем название “Белый Дом”, и оттуда часто ездил в Вильямсбург для исполнения своего политического долга, а именно для участия в заседаниях законодательного собрания.

Не лишено интереса само вступление Вашингтона в это собрание. Когда Вашингтон впервые появился на заседании, то спикер (председатель) собрания, уже заранее решивший встретить доблестного воина с особенным почтением, в прочувствованных словах благодарил его от имени всех колонистов за услуги, оказанные им родине во время войны. Вашингтон, не ожидавший такой встречи, так растерялся, что не сразу догадался встать, а встав, чтобы ответить на обращенную к нему речь, вдруг замялся, покраснел и в смущении не мог произнести ни слова. “Садитесь, мистер Вашингтон, – с улыбкой заметил спикер, – ваша скромность не меньше ваших заслуг, и смущение ваше красноречивее всяких слов”. Таков был первый шаг Вашингтона на гражданском поприще, на котором он сумел проявить такой же здравый ум, такое же мужество, великодушие и самоотвержение, как и в своей военной деятельности. Пока продолжались заседания законодательного собрания, Вашингтон неизменно посещал их, а затем переехал с женою в свой любимый Маунт-Вернон.

Жена Вашингтона унаследовала от первого мужа третью часть его обширных поместий и огромного состояния; остальные две трети должны были быть разделены поровну между двумя детьми миссис Вашингтон от первого брака. По желанию ближайшего родственника детей, генерала Курта, Вашингтон был назначен их опекуном, – обязанность не всегда легкая и весьма деликатная, которую Вашингтон исполнял с самой щепетильной добросовестностью, заботясь об интересах детей скорее как отец, нежели как опекун. До женитьбы Вашингтон долгое время носился с мыслью побывать в Англии, где, вероятно, был бы встречен прекрасно: молва о его военных подвигах успела уже

распространиться в Англии. Но стремление к скитальческой жизни совершенно исчезло у Вашингтона после брака. Поселившись в Маунт-Верноне, он писал одному из своих друзей следующее: “Полагаю, что теперь я надолго и прочно засел здесь вместе с приятной спутницей моей жизни, и надеюсь найти больше счастья в этом уединении, нежели находил когда-либо среди суетного света”. Это никак нельзя считать капризом или мимолетною прихотью Вашингтона. Он писал то, что серьезно обдумал, выражая при этом свои самые задушевные желания. Любовь к деревенской жизни отвечала его самым искренним и глубоким стремлениям, жизнь в деревне казалась ему идеалом, осуществлением заветных его мечтаний. Даже в самый разгар политической жизни, при исполнении обязанностей военного вождя своего народа, его тянуло в деревню, и при первой возможности он, как Цинциннат, возвращался к своему сельскому хозяйству. “Я думаю, – писал Вашингтон уже на склоне дней, – что нет жизни лучше жизни сельского хозяина. Видеть, как из земли поднимаются растения, как они процветают благодаря искусству земледельца, – это наполняет созерцательный ум идеями, которые легче испытывать, чем выразить”. “Земледелие всегда было любимым моим занятием, – писал он после революции, – и я все более и более привязываюсь к земледельческим делам; я думаю, что неиспорченному человеку несравненно приятнее совершенствовать свое полевое хозяйство, чем вся та пустая слава, какую можно приобрести опустошением земли, хотя бы одерживая непрерывные победы”.

Действительно, имение Вашингтона, Маунт-Вернон, было очаровательным уголком земного шара, и Вашингтон покидал это тихое пристанище только тогда, когда этого требовал от него общественный долг, стоявший для него на первом плане. Маунт-Вернон, близкий сердцу Вашингтона уже по воспоминаниям детства и юности, был расположен в такой местности, которая способна была хоть кого привлечь к сельской жизни. Усадьба помещалась на поросшем лесом холме, с которого открывался великолепный вид на долину Потомака. Огромное имение (в 25 тыс. акров – приблизительно столько же десятин) разбито было на несколько хуторов или ферм, из которых каждая занималась какой-нибудь специальной культурой и находилась под ведомством особого надсмотрщика. Письма Вашингтона к этим надсмотрщикам, а также письма к управляющему во время войны и во время президентства свидетельствуют о его знакомстве с каждым клочком принадлежавшей ему земли. Большая часть земель Вашингтона была покрыта дремучими лесами, во всех направлениях изрезанными быстрыми, многоводными потоками и

цветущими долинами. Лесистая и холмистая местность вдоль Потомака была словно создана для охоты, а охота была одной из любимых забав Вашингтона. “Во всей Северной Америке нет поместья, лучше расположенного, – писал владелец Маунт-Вернона, – Имение лежит в высокой, сухой и здоровой стране, в трехстах милях от моря, и орошается одною из прекраснейших рек в мире”. Окрестные поместья и имения отличались таким же характером и такими же крупными размерами, как Маунт-Вернон; храня аристократические традиции, владельцы не дробили их, а передавали по наследству старшему в роде. Таким образом, Маунт-Вернон находился в самом центре тогдашней помещичьей жизни, в настоящее время совершенно изменившей свой характер.

Господствующей церковью в Виргинии была англиканская. Как в Англии, каждое графство делилось на приходы, и Вашингтон был членом церковного управления в двух приходах – Фэрфаксе и Труро, находившихся в нескольких милях от Маунт-Вернона. Когда старая церковь в приходе Труро разрушилась, то был поднят вопрос о постройке новой, но прихожане никак не могли решить, строить ли церковь на старом или на новом месте. Наконец созвано было собрание для окончательного решения этого вопроса. Друг и сосед Вашингтона, Масон, красноречиво уговаривал присутствующих строить церковь на старом месте, и так подействовал на своих слушателей, что они готовы были поддаться его увещаниям. Но тут поднялся Вашингтон и, не говоря ни слова, вынул из кармана какую-то бумагу и развернул ее. Это был подробный план трурского прихода, с обозначением места старой церкви, предполагавшегося места новой и жилищ всех прихожан. Вашингтон в немногих словах объяснил собравшимся, что новое место находится на одинаковом расстоянии от жилищ всех прихожан, а потому гораздо удобнее старого; но прибавил, что предоставляет на благоусмотрение своих слушателей действовать под влиянием чувства, говорящего в пользу старого места, или под влиянием разума и здравого смысла. Довод Вашингтона оказался неопровержимым, и церковь решено было строить на новом месте. Случай этот очень характерен для Вашингтона, который не отличался красноречием, не любил тратить лишних слов и нередко в гораздо более обширных собраниях сразу решал дело своим здравым и метким суждением.

Вашингтон поддерживал церкви обоих приходов своими средствами. По воскресеньям он обыкновенно посещал ту или другую церковь, если только был здоров и не слишком плохи были дороги. Отличаясь глубоким религиозным чувством,

Вашингтон с большим уважением относился к религии и с детства привык бывать в церкви. Насколько он был верующим в церковном смысле – вопрос другой; сохранились сведения о том, что он не особенно охотно исполнял церковные обряды, не любил высказывать своих мнений о религии и что даже, умирая в полном сознании, ни разу не вспомнил о Боге. Одною из отличительных черт его была религиозная терпимость; он ценил прежде всего хороших работников и хороших людей, “будь то магометане, евреи, христиане, принадлежащие к каким бы то ни было сектам, или же атеисты”. “Из всех причин вражды между людьми самая печальная – это религиозная рознь, и следовало бы по мере возможности устранить ее влияние на жизнь мирных граждан”, – так выражается Вашингтон в одном письме. Каковой бы ни была глубина его веры, Вашингтон публично всегда выступал сторонником религии, считая, что она имеет важное значение для народа.

Обширные виргинские поместья того времени были своего рода державами, центры управления которых находились в помещичьих домах. Дома эти, как и дом Вашингтона, были окружены многочисленными службами – кухнями, коптильнями, мастерскими, конюшнями и т.д. Здесь верховным и неограниченным повелителем был сам плантатор, владелец имения. Главным министром и исполнителем воли плантатора был эконом, или управляющий. Домашние и полевые работы исполнялись главным образом неграми-невольниками, жившими в деревушке недалеко от помещичьей усадьбы. Особенно много негров работало на табачных плантациях, которых немало было у Вашингтона. Недалеко от усадьбы расположены были обширные деревянные постройки для склада табака, мельницы, моловшие пшеницу и маис, которые выращивались для пропитания семьи плантатора и его негров. Рабы нередко были ремесленниками – портными, сапожниками, кузнецами и т. д., так что каждое крупное имение производило для себя все крайне необходимое; только предметы роскоши выписывались извне – преимущественно из Англии. Плантаторы, жившие на Потомаке, который был судоходной рекою, вели непосредственную торговлю с Англией. Рабы нагружали табак на корабли, специально приходившие для этой цели; плантаторы ставили свой штемпель на каждый пакет табаку и отправляли табак своим агентам в Бристоле, Ливерпуле или Лондоне, а затем уже сводили с этими агентами счеты. Вашингтон вел свое деревенское хозяйство так же разумно и энергично, как и военные дела. На первых порах он обрабатывал свои поля по общераспространенному способу, но затем убедился, что это не всегда бывает рационально, и

постепенно стал вводить у себя разные усовершенствования, даже изобрел новый плуг. Но все свои нововведения он как практический человек испытывал сначала экспериментальным путем, и опыт заставлял его предпочитать одни сорта табака, пшеницы или удобрения другим сортам. Пока обстоятельства позволяли ему жить в его любимом Маунт-Верноне, он сам вел все свои счета, записывал приход и расход в счетные книги, подводил итоги – и все это с точностью и аккуратностью настоящего торговца. Счетные книги, сохранившиеся доныне, – лучшее доказательство деловитости и хозяйственности человека, который умел вкладывать свою душу и в крупные исторические события, и в мелкие житейские дела. Сельское хозяйство было его гордостью: продукты его имения отличались обилием и такой доброкачественностью, что табак и мука со штемпелем Вашингтона никогда не подвергались обычному осмотру в портах Вест-Индии. По тем временам Вашингтон имел порядочный доход с Маунт-Вернона – приблизительно 1 тыс. фунтов стерлингов, или около 10 тыс. рублей на наши деньги.

Любопытно посмотреть, как Вашингтон проводил время в деревне. Он всегда вставал очень рано, часто – и особенно зимою, когда ночи были длинные, – до рассвета. В таких случаях он зажигал свечу и писал или читал. В 7 часов утра летом и в 8 часов зимою он выпивал две чашки чаю с двумя-тремя маисовыми лепешками – и это составляло весь его скромный завтрак. Тотчас после завтрака он садился на лошадь и объезжал те части своего имения, где производились работы, тщательно все осматривая и нередко помогая работникам собственными руками. Так проходило время до обеда, который обыкновенно подавался в два часа. Вашингтон ел все охотно и никогда не был разборчив в пище. За обедом он любил выпить немножко пива или сидра и две рюмки мадеры. До вечера время проходило за разнообразными занятиями, а в девять часов, напившись чаю – это был любимый напиток Вашингтона, – владелец Маунт-Вернона ложился спать. Если погода была очень плоха, то Вашингтон не выезжал из дому, а пользовался случаем, чтобы привести в порядок свои бумаги, счета и писать письма. Нередко занимался он чтением или же читал вслух своей семье – жене и ее детям.

Мы уже упоминали о том, что Вашингтон был рабовладельцем, хотя, подобно Франклину, не сочувствовал самому учреждению рабства. Но в то время немыслимо было обрабатывать такие огромные пространства земли иначе, как невольничьим трудом; единственное, что мог сделать Вашингтон, – это хорошо обращаться со своими рабами и создать

для них по возможности человеческие условия существования. Всех рабов у Вашингтона было 100 – 130 человек, и можно смело утверждать, что очень редко этим несчастным существам жилось так хорошо, как в Маунт-Верноне. Вашингтон держался того принципа, что “увещания действуют на людей сильнее наказаний”, и за всю свою жизнь пустил в ход наказание не больше двух раз. Но в то же время он требовал от своих рабов, чтобы они добросовестно и точно исполняли возложенные на них работы. Он умел сразу определять, на какую работу годится тот или другой невольник, так как часто сам лично следил за работами и наблюдал за невольниками; он знал, сколько времени требуется в среднем для исполнения той или другой работы, и всегда предъявлял рабам строгие, но справедливые требования. Жили рабы у Вашингтона довольно хорошо – в деревушке, состоявшей из хижин, окруженных небольшими садиками, и убегали от него сравнительно редко. Особенно заботился Вашингтон о своих неграх, когда они заболевали, держал для них специально врача и требовал от своих служащих особенного внимания к больным, возмущаясь обычному обхождению с рабами, как с вьючной скотиной. Безыскусный дневник Вашингтона свидетельствует о том, как часто сам он посещал больных негров и старался всячески облегчить их страдания. Кормил он рабов хорошо, главным образом маисовым хлебом и рыбой, которой было много в Маунт-Верноне; по праздникам приказывал выдавать каждому по стакану рома; несмотря на то, что бедняги нередко злоупотребляли его добротой, он до конца жизни не изменил своего отношения к ним и в завещании своем распорядился большую часть их отпустить на волю. Заметим еще, что Вашингтон никогда не покупал рабов, как бы они ни были ему нужны, если для этого приходилось разлучать их с семьею; он предпочитал в таких случаях приобрести всю семью. Неудивительно поэтому, что рабы, прожившие некоторое время у Вашингтона, были искренно к нему привязаны, несмотря на его требовательность. Но Вашингтон не только требовал работы от других: он сам готов был помогать своим рабам, когда это оказывалось нужным. Сохранился рассказ, что когда во время грозы вода прорвала плотину на мельнице, Вашингтон во главе своей домашней челяди бросился туда и под проливным дождем работал лопатой, пока плотина не была исправлена. Разумеется, это был не единственный случай за время его жизни в деревне.

Маунт-Вернон и его окрестности изобиловали всякого рода дичью. Вашингтон же был страстным охотником, хотя, по правде сказать, редко случалось ему застрелить какого-нибудь зверя. В охотничий сезон, выезжая рано утром для осмотра работ, он

часто брал с собою собак на случай, чтобы увидеть лисицу. Действительно, лисицу увидеть было не редкостью, но затравить ее Вашингтону почти никогда не удавалось. Ловкий смелый наездник, он никогда не был искусным охотником. В охотничий сезон он раза два-три в неделю выезжал на охоту с гостями Маунт-Вернона, или с соседями – главным образом с Фэрфаксами из имения Бельвуара, принадлежавшего другу. Вашингтона, Джорджу Вильяму Фэрфаксу. Тогда у Вашингтона или Фэрфакса устраивался обед, на котором Вашингтон, вопреки своему обыкновению, всегда бывал очень оживлен и весел.

Рыбная ловля также доставляла большое удовольствие Вашингтону. В Потомаке водилось много разнообразной рыбы, и иногда, особенно когда в реке появлялись косяки сельди, ловля их принимала обширные размеры. Около того же времени слетались массами дикие утки, охота на которых особенно нравилась Вашингтону. Но сильно смущали его всякие бродячие охотники и рыболовы, посягавшие на его собственность. Это сердило и раздражало его до такой степени, что он сам однажды расправился с нарушителем его прав. Какой-то человек повадился охотиться на уток в болотах, принадлежавших Вашингтону. Этот незваный, но частый гость, прячась в камышах на берегу реки, истреблял диких уток в таких огромных количествах, что пришлось принять против него меры: Вашингтон несколько раз предостерегал его и требовал, чтобы он удалился, – но все это оказывалось напрасным. Однажды, объезжая свои поля, Вашингтон услышал выстрелы со стороны реки; он тотчас же поскакал туда и застал охотника в тот момент, когда он собирался отчалить на своем челноке от берега. Вашингтон повелительным голосом крикнул ему, чтобы он остановился, но охотник оттолкнулся от берега и схватился за ружье. Тогда Вашингтон бросился в реку, схватил лодку, притянул ее к берегу, выхватил из рук остолбеневшего охотника ружье и так отколотил его, что тот навсегда потерял желание охотиться на земле Вашингтона.

Охота в Маунт-Верноне часто соединялась с приездом гостей; впрочем, гости посещали Вашингтона и в другое время. Чаще других гостили у него капитан Гуго Мерсер, дважды спасшийся от ножа индейцев во время войны с французами, и доктор Крэк, жившие недалеко от Маунт-Вернона. Вашингтон всегда был рад их приезду и любил вместе с ними предаваться военным воспоминаниям. Подобно другим виргинским землевладельцам, Вашингтон жил у себя в деревне на широкую ногу и мог встречать своих друзей с самым щедрым гостеприимством. Роскошная сервировка, щегольские экипажи и породистые лошади

составляли страсть помещиков того круга, к которому принадлежал Вашингтон. Все это выписывалось из Англии. Плантаторы старались отличиться друг перед другом главным образом приобретением и воспитанием лошадей, а потому часто устраивали у себя конные заводы; Вашингтон не отставал от соседей, тем более, что после женитьбы состояние его значительно увеличилось. К услугам миссис Вашингтон всегда была карета, четверка лошадей и четыре форейтора из негров в красивых ливреях. Сам Вашингтон предпочитал ездить верхом. У него был конский завод, содержавшийся в отменной чистоте и порядке, а также прекрасные охотничьи собаки. Птичий двор изобиловал выписанными издалека породами – куропатками, китайскими фазанами, гусями и т. п., а вокруг дома пышно разрослись редкой красоты растения. Все это вместе взятое уже делало приятной жизнь в Маунт-Верноне; но богатые виргинские помещики немало времени отдавали и разнообразным в то время деревенским развлечениям и увеселениям. Нередко Потомак являлся сценою великолепных катаний на изящных лодках, выписанных из Англии: одно время, судя по дневнику Вашингтона, вся страна была словно охвачена праздничной лихорадкой по случаю прибытия британского фрегата, остановившегося против дома Фэрфаксов. В Маунт-Верноне и Бельвуаре давались одни за другими завтраки и обеды офицерам, которых в обоих имениях принимали с одинаковым радушием. Иногда Вашингтон ездил с женою в близлежащий городок Аннаполис, где в то время находилось правительство Мэриленда. Там они принимали участие в увеселениях, очень многочисленных, в честь членов законодательного собрания; тогда в Аннаполис стекалось изысканное общество, происходившее от английской аристократии, многое из своих прежних привычек сохранившей и на американской почве. Обеды, балы, театральные представления следовали одни за другими во время заседаний законодательного собрания. Вашингтон питал особенное пристрастие к театру, – удовольствие, которое редко выпадало на его долю во время его тяжелой во многих отношениях жизни. Не прочь был он и потанцевать, когда представлялся для этого случай; многие молодые и красивые леди очень гордились тем, что он находил удовольствие в их обществе, но все-таки считали его несколько церемонным и тяжеловесным.

В такой-то атмосфере деревенских занятий и развлечений, соединенных с общественной деятельностью, протекло несколько счастливейших лет в жизни Вашингтона (1759 – 1775). Детей у него не было, но зато к детям своей жены он относился с истинно

отеческой заботой и любовью, проявляя горячее участие в их умственном и нравственном развитии. Живя в деревне, в кругу семьи, Вашингтон, однако, не пренебрегал своими общественными обязанностями. Часто приходилось ему отлучаться из дому как мировому судье своего графства и как члену законодательного собрания. Щепетильность и добросовестность его во всяком общественном деле поистине достойны изумления. Кроме того, в этот же период жизни он решил приступить к осушке болот, находившихся близ его имения. Хотя они не принадлежали ему, но он считал полезным сделать их пригодными для культурной обработки. Болота эти простирались на 30 миль в длину и миль на 10 в ширину и до тех пор не были еще никем исследованы. Вашингтон со свойственной ему энергией и смелостью взялся за это дело, с большим трудом прошел их вдоль и поперек, не останавливаемый ни дремучими кедровыми и кипарисовыми лесами, ни кустарниками и ползучими растениями, ни стоячими прудами. В центре этих болот он открыл большое озеро, расположенное значительно выше прочих частей этой местности, и решил, что отсюда можно провести во все стороны каналы и таким путем осушить болото. Он изложил результат своего исследования в виргинском законодательном собрании, и вскоре составилось общество для осушки этой дикой области. Таким образом, Вашингтон всюду, где только мог, вносил начатки культуры, стараясь везде и во всем облегчить и возвысить жизнь людей, среди которых ему приходилось работать.

Глава IV. Причины и начало американской революции

Недовольство образом действий Англии. – Система воздержания в Америке. – Первый Континентальный конгресс. – Сражение при Лексингтоне. – Вашингтон – главнокомандующий армией. – Недостатки армии. – Набор новой армии. – Занятие Бостона

Пока Вашингтон мирно жил в Маунт-Верноне, на общественном горизонте Америки собиралась гроза. Согласно давнишнему постановлению английского парламента английские колонии Северной Америки имели право вести торговлю только с Англией, причем запрещался вывоз из Америки некоторых предметов, производившихся в Англии. Конечно, это постановление было крайне невыгодно для колоний; с ним, однако, приходилось мириться, пока колонии нуждались в военной защите метрополии. Но после вытеснения французов положение дел изменилось. Республиканские идеи и демократический дух прежде всего обнаружились в северных колониях, которые стали ревниво следить за действиями Англии.

Война с Францией в Америке ввела Англию в большие расходы, и британское правительство решило привлечь колонии к покрытию этих расходов, наложив пошлины на некоторые предметы потребления, ввозившиеся в Америку из Англии. Между тем, по духу английской конституции, введение прямых и косвенных налогов в колониях было исключительным правом местных законодательных собраний. Но, не смущаясь этим, английский парламент обложил пошлинами патоку и сахар, ввозившиеся в порты Новой Англии, и, главным образом, в Бостон. Вскоре обложены были пошлинами и другие предметы ввоза и установлен был строгий надзор за контрабандной торговлей, которую колонии втихомолку вели с французами и испанцами и на которую Англия раньше смотрела сквозь пальцы. Благодаря этому значительная часть населения разорилась, и недовольство колоний росло не по дням, а по часам. Колонии отправили было петицию королю и парламенту об отмене пошлинных актов и послали в Англию в качестве своего уполномоченного Франклина. Но английское правительство слишком нуждалось в деньгах, чтобы внять голосу колоний, и предпочитало нарушать конституцию. Правда, парламент отменил пошлины на некоторые товары; но зато, как бы в подтверждение прав Англии облагать колонии налогами, издан

был знаменитый акт о гербовом сборе, по которому все деловые бумаги в колониях должны были писаться на гербовой бумаге. Но колонии твердо решили воспротивиться этому незаконному акту и не допускать у себя его осуществления. Теперь заговорили не только северные, но и южные колонии, отличавшиеся сравнительно большею преданностью королю, вследствие того, что там находились обширные поместья выселившейся английской аристократии. Население южных колоний все-таки не желало отказываться от своих автономных прав, гарантированных английской конституцией, и добровольно исполнять деспотические притязания Англии. Север и юг оказались объединенными общими интересами. Акт о гербовом сборе должен был вступить в силу 1 ноября 1765 года. Во многих колониях население сожгло склады с гербовой бумагой и взялось за оружие, так что английский парламент вынужден был отменить ненавистный акт. Но взамен этого обложены были пошлинами картон, краска и чай, привозившиеся из Англии. Очевидно, метрополия не обращала никакого внимания на права колоний самим назначать пошлины и налоги. Колонии понимали, что петициями делу не поможешь, и решили не принимать к себе английских товаров, за которые взимались пошлины. Эта мера имела в виду ударить по карману английских купцов и принудить их добиться от своего правительства отмены пошлин. Вашингтон, горячо сочувствовавший этой мере, принял деятельное участие в ее проведении.

Правда, Вашингтон был в молодости искренним монархистом, и симпатии к Англии и ее учреждениям глубоко коренились в его природе; но еще больше он любил свою родину и всею душой стоял за сохранение ее политических вольностей. На первых порах, однако, Вашингтон был против борьбы с оружием в руках, так как надеялся мирным путем уладить отношения между Англией и колониями. Из всех мирных средств борьбы наиболее верным казалось ему воздержание от покупки английских товаров, обложенных пошлинами. Он сам, вместе со своим другом Масоном, выработал систему воздержания и представил свой проект законодательному собранию Виргинии. Проект был принят, и все члены собрания подпиской обязались не покупать обложенных пошлинами товаров, кроме крайне необходимых для жизни. Затем устав общества воздержания был отпечатан и разослан по всем колониям. Таким образом, система воздержания распространилась по всей стране и явилась первым шагом к объединению колоний. Сам Вашингтон строго придерживался этой системы; в доме его нельзя было найти ни одного из запрещенных продуктов, даже чаю, до которого он был

большой охотник.

События мало-помалу принимали все более зловещий характер. В Бостоне и других городах Новой Англии расставлены были войска якобы для поддержания порядка; присутствие их крайне раздражало население. В марте 1770 года в Бостоне произошло столкновение между солдатами и народом ("бостонская резня"), вызвавшее по всей стране бурю негодования, и во многих местах начали втихомолку готовиться к войне. В то же время английский парламент вынужден был отменить некоторые пошлины и понизить пошлину на чай, так как система воздержания причинила большие убытки английской торговле. Надеясь ввиду этого продать свой чай в Америке, только Ост-Индская компания отправила из Англии в Бостон несколько кораблей, нагруженных чаем. Но бостонцы и слышать не хотели о покупке чая до тех пор, пока не будут отменены все пошлины без исключения, и требовали удаления кораблей из гавани. Но так как корабли не удалялись, то ночью 18-го декабря 1773 года бостонцы, переодетые индейцами, взобрались на корабли и выбросили весь чай в море. В наказание за этот поступок английский парламент издал акт, закрывавший гавань Бостона с 1 июня 1774 года на неопределенное время. Дело зашло на этот раз слишком далеко, и все колонии почувствовали, что существованию их грозит опасность. В мае 1774 года собралось законодательное собрание Виргинии и протестовало против закрытия гавани Бостона, постановив 1 июня провести в посте и молитве с целью отвратить угрожающую опасность. Несмотря на требование губернатора, чтобы собрание разошлось, оно продолжало свои заседания в другом месте и решило снестись с другими колониями, предлагая как можно скорее созвать конгресс делегатов от всех колоний. Мысль о таком конгрессе впервые высказана была Франклином уже раньше. Но в этот момент конгресс являлся насущной необходимостью. Это прекрасно понимал Вашингтон, ясно видевший, что в отношениях колоний с метрополией наступил кризис и что необходимо действовать энергично. "Я не берусь сказать, – писал в это время Вашингтон одному из своих друзей, который был горячим приверженцем английского режима и врагом оппозиции, – где должна быть проведена пограничная черта между Великобританией и колониями; но я убежден в том, что такая черта должна быть проведена, и наши права должны быть точно определены. Я лично желал бы предоставить решение этого спора потомкам. Но теперь настал критический момент, когда мы должны отстоять наши права или же подчиниться всяким налогам, которыми будут облагать нас до тех пор, пока обычай и

привычка не сделают из нас покорных и презренных рабов”.

5 сентября конгресс должен был собраться в Филадельфии. В числе пяти делегатов от Виргинии находились Вашингтон и Патрик Генри, один из наиболее выдающихся поборников американской свободы.

Первый Континентальный конгресс был воплощением национального единства колоний, хотя еще довольно слабого. Конгресс первым долгом приступил к обсуждению мер для того, чтобы вывести страну из критического положения. Решено было составить ассоциацию против ввоза и потребления английских товаров и вывоза некоторых американских товаров в Англию и в то же время отправить воззвание к английскому народу и к населению английских колоний в Америке, а королю Англии послать верноподданнический адрес.

Во время прений Вашингтон говорил очень мало и больше держался в тени. Но что он оказывал влияние на все постановления конгресса, видно из следующего эпизода. После конгресса кто-то спросил Патрика Генри, кого из членов конгресса он считает наиболее выдающимся. Генри ответил: “Если вы говорите о красноречии, то мистер Рутледж из Южной Каролины несомненно самый выдающийся оратор. Но если вы говорите о солидных сведениях и здравом суждении, то самым выдающимся следует считать полковника Вашингтона из Виргинии”.

Несмотря на защиту Питтом прав колоний в палате лордов, колониальная политика Георга III после того не изменилась к лучшему. Англия сама подзадоривала свои колонии к войне и пошла на примирение только тогда, когда было уже слишком поздно.

Между тем все североамериканские колонии Англии исподволь готовились к войне. В Виргинии сформировалось несколько отрядов под предлогом предстоявшей будто бы войны с индейцами. Офицеры этих отрядов очень часто обращались за советами к Вашингтону, который охотно помогал своими указаниями и лично обучал те или другие отряды. Английское правительство, однако, не давало ответа на резолюцию конгресса. В Массачусетсе ропот был особенно силен ввиду того, что губернатор этой колонии, Гэдж, был уполномочен ввести парламентские акты в действие при помощи военной силы. В виргинском собрании Патрик Генри требовал военной обороны страны: “Призыв к оружию и обращение к Богу воинств – вот все, что нам осталось!” – воскликнул он в конце своей речи. Вашингтон горячо сочувствовал Генри и был выбран в комиссию, которая должна была заняться организацией обороны страны. 10

мая в Филадельфии вторично должен был собраться конгресс, и в числе виргинских делегатов опять находилсяВашингтон. Он теперь уже ясно понимал, что придется с оружием в руках отстаивать права своих сограждан. “Я принял твердое решение, – писал он своему брату Августину, – в случае надобности пожертвовать своей жизнью и своим состоянием ради дела, в котором мы так глубоко заинтересованы”.

В северных колониях, особенно в Массачусетсе, чрезвычайно деятельно готовились к войне. Генерал Гэдж, временный главнокомандующий британскими войсками в Америке, начал стягивать свою армию в Бостон. Гэдж решил разрушить склад американского оружия в Конкорде и с этой цепью вечером 18 апреля выслал из Бостона отряд в 900 человек под командованием полковника Смита. Но бостонцы проведали об этом плане, а также о намерении арестовать нескольких американских патриотов, и подняли тревогу. Едва успел Смит выступить из города, как на всех бостонских колокольнях появились сигнальные фонари, и скоро со всех сторон начали доноситься пушечные выстрелы, предупреждавшие окрестное население об опасности. В Лексингтоне Смит встретился с вооруженным отрядом американцев, который, однако же, рассеялся после первого ружейного залпа, данного англичанами. Прибыв в Конкорд, Смит нашел его защищенным отрядом в 500 человек; к тому же американцы успели убрать главную массу пороха и оружия в другое место. Смиту пришлось отступать в Бостон, причем на каждом шагу отряд его подвергался нападениям. Каждый дом, каждый пригорок, каждое дерево по дороге скрывали ожесточенных американцев; ружейные выстрелы звучали словно из-под земли. Достигнув Лексингтона, отряд Смита обратился в беспорядочное бегство, несмотря на подоспевшее подкрепление. Американцы до того пылали жаждой мести, что ни пушки, ни численность подкрепления (две тысячи человек) не действовали на них. Англичанам пришлось отступить, так как немыслимо было продолжать борьбу с невидимым врагом, сражавшимся на манер индейцев. Несколько сот англичан осталось на месте. В этот день американская свобода получила свое первое боевое крещение. Началась американская революция.

Получив известие о битве при Лексингтоне, Вашингтон принял твердое решение сражаться за попранные права своей родины. “Великое несчастие видеть, как меч брата вонзается в грудь брата, и сознавать, что эти некогда счастливые и мирные поля Америки должны быть или обагрены кровью, или населены рабами. Печальная альтернатива! Но может ли порядочный

человек колебаться в своем выборе?" – писал он в это время одному из своих лондонских друзей.

Второй конгресс, открывшийся 10 мая 1775 года, понимая, что надо вовремя воспользоваться энтузиазмом населения, тотчас приступил к выработке системы национальной обороны. Вашингтон председательствовал в комиссии, избранной для этой цели. Благодаря опытности и практичности Вашингтона, комиссия скоро справилась со своей задачей. Решено было немедленно набрать 10 полков в разных колониях и присоединить их к милиции Новой Англии, уже стоявшей под Бостоном, который находился в руках англичан. Для покрытия военных расходов решено было выпустить бумажные деньги на сумму 3 млн. долларов. Континентальная армия и ее главнокомандующий, которого еще предстояло выбрать, должны были подчиняться конгрессу как верховному учреждению страны.

Хотя население Новой Англии первое схватилось за оружие, но оно не претендовало, чтобы главнокомандующий был выбран из его среды; делегаты от Новой Англии на конгрессе первые предложили выбрать кандидатом на эту должность Вашингтона, понимая, что выбор главнокомандующего из богатого и влиятельного Юга еще сильнее привяжет южные колонии к общему делу. Кроме того, на этот пост следовало избрать человека, который личными своими достоинствами мог бы заменить недостатки военной организации. Вашингтон был уже человеком опытным и показал во время войны с французами, с какими громадными трудностями он умеет справляться. Не блестящие таланты выдвинули Вашингтона, а глубокий, обстоятельный ум, сильная воля, терпение и высокие нравственные принципы. Это вызвало к нему общее уважение и убеждение, что он может руководить действиями других людей. Конечно, немалую роль играло и богатство Вашингтона, дававшее ему возможность служить без жалованья. Все эти соображения побудили конгресс единогласно избрать Вашингтона главнокомандующим американской армией. Выражая конгрессу благодарность за великую честь, оказанную ему, Вашингтон между прочим сказал: "Так как успех не всегда отвечает ожиданиям, то я объявляю сегодня с величайшей откровенностью и искренностью, что не чувствую себя способным выполнить эту сложную задачу. Что же касается жалованья, то прошу собрание поверить мне, что я не желаю извлекать никаких доходов из своего положения, так как никакие расчеты на выгоду не могли бы побудить меня принять этот тяжелый пост и отказаться от домашнего спокойствия и счастья". Официально возведенный в чин генерала и избранный главнокомандующим, Вашингтон

отправился в действующую армию, стоявшую под Бостоном.

Разъяренный бестактными действиями Гэджа, отряд американцев численностью 1500 человек под командованием генерала Путнама отделился от армии, осаждавшей Бостон, захватил холмы около гавани и укрепился там. Англичане с величайшим трудом и большими потерями вытеснили американцев с этой позиции, все более и более убеждаясь, что не так-то легко иметь дело с американскими “оборванцами”.

2 июля Вашингтон прибыл в Кембридж, где находилась главная военная квартира американской армии. Народ везде торжественно встречал его, армия также приняла его сердечно. Это очень ободрило Вашингтона и укрепило его веру в себя.

В это время число англичан доходило до 12 тысяч человек; американская армия достигала 15 тысяч и была расположена около Бостона в виде длинного полукруга. Вашингтон был того мнения, что американцам следовало бы иметь армию по численности вдвое большую, чем неприятельская; но пока это было делом невозможным; созванный им военный совет решил увеличить армию по крайней мере до 22 тыс. человек и обратиться к колониям Новой Англии с просьбой по возможности скорее пополнить этот недостаток рекрутским набором.

После этого Вашингтон занялся выработкой нового плана военной организации, стараясь устранить многие недостатки, которыми страдала армия. Важнейшим из этих недостатков было отсутствие дисциплины, ибо у каждой колонии были свои военные законы, иногда прямо противоречившие друг другу; солдаты же и офицеры ничего не хотели знать об общих правилах и руководствовались своими местными законами и контрактами, заключенными ими при поступлении на службу. Постановления конгресса игнорировались; офицерам, назначенным конгрессом, не повиновались. Привыкнув у себя дома к самоуправлению, солдаты хотели сами избирать офицеров, не признавали общих дисциплинарных правил, а это приводило к нескончаемым беспорядкам в армии. Вашингтону стоило величайшего труда завести в войске хоть некоторый порядок; приходилось постоянно лавировать между демократическими чувствами армии и требованиями военной дисциплины, и лишь в самых крайних случаях он прибегал к силе для пресечения неурядиц. Вашингтон всегда старался подействовать на своих солдат разумными доводами, излагаемыми в особых приказах по армии. К предвзятым мнениям и предрассудкам он обнаруживал самую широкую терпимость. Он старался составлять полки из солдат, принадлежавших к одной и той же колонии.

Так как армия была организована на скорую руку, то в ней

ощущался большой недостаток в палатках, платье, оружии и, главное, в порохе. Вашингтон не мог без ужаса думать о том, какая участь постигла бы его армию, если бы неприятель вздумал дать генеральное сражение. Враг всякой лжи, он вынужден был лгать в данном случае и распространять среди окрестного населения ложные слухи, чтобы истинное положение дел как-нибудь не стало известно англичанам.

Все эти недостатки армии вовлекли Вашингтона в обширную переписку с конгрессом, который с большим интересом относился к докладам, письмам и проектам главнокомандующего. Но тем не менее, Вашингтон долгое время не мог добиться усиления военной власти и продления срока военной службы. Как истинно демократическое учреждение конгресс крайне подозрительно относился к мысли о постоянной армии и к усилению власти главнокомандующего. Сроком военной службы конгресс сначала назначил один год; но за один год невозможно было надлежащим образом обучить солдат, и они, едва привыкнув к военному делу, покидали службу, так что каждый год приходилось иметь дело с совершенно неопытными новобранцами. Вашингтон настаивал на том, чтобы срок военной службы был продлен до трех лет, но конгресс долгое время и слышать об этом не хотел. Это связывало главнокомандующего по рукам и ногам; недоверие конгресса к нему сильно его оскорбляло, но он понимал и ценил побуждения, руководившие конгрессом, а потому не менял добрых отношений с ним и свято соблюдал все его предписания, хотя бы эти предписания шли вразрез с его взглядами. Во все время революции ничто не могло поколебать уважения Вашингтона к гражданской власти, и он всегда был убежден, что гражданская власть должна стоять выше военной. В этом отношении Вашингтон являет собою образец республиканского генерала, справедливо сравниваемого с доблестными полководцами древности.

Так как конгресс был лишен исполнительной власти, то Вашингтону волей-неволей приходилось обращаться к местным учреждениям колоний, преимущественно к законодательным собраниям, для осуществления предписаний конгресса: исполнительная власть всецело находилась в руках местных учреждений. От них зависел подвоз амуниции и провианта, назначение офицеров и так далее. Переписка с местными учреждениями заставила Вашингтона приходить в соприкосновение с основными элементами общественной организации и ознакомиться как нельзя лучше с механизмом общественного самоуправления; отсюда его изумительная опытность в гражданских делах, обнаруженная им во время

президентства.

В октябре генерал Гэдж был отозван в Англию. Во время войны с французами Гэдж был товарищем Вашингтона: разумеется, с началом революции отношения между ними изменились. Узнав о дурном обращении англичан с пленными американцами, Вашингтон письменно просил Гэджа обращаться с ними по-человечески. Гэдж ответил на эту просьбу грубым письмом, где доказывал, что обращается с американцами лучше, нежели они того заслуживают, так как их всех следовало бы перевешать как мятежников. Тогда Вашингтон написал Гэджу, что будет не менее сурово обходиться с военнопленными англичанами. Но он никогда не приводил в исполнение своей угрозы, считая дурное обращение с пленными несовместимым с великим делом революции. В ответ на нежелание Гэджа признавать его чин Вашингтон писал: “Вы говорите, что не желаете признавать чин, который не проистекает из такого же источника, как ваш. Я же не могу себе представить более почетного чина, чем тот, который дается неподкупным выбором мужественного и свободного народа. Это – первоначальный родник и самый чистый источник всякой силы и власти”. После отъезда Гэджа в Англию главнокомандующим английской армией в Америке был назначен лорд Гоу.

Между тем, год близился к концу, и для большей части солдат истекал срок военной службы. Вашингтон серьезно опасался, что очутится один в опустевшем лагере, так как конгресс, несмотря на все его представления, не соглашался продлить срока службы. Конгресс довольствовался тем, что отправил в лагерь особую комиссию для пересмотра военного устава и для уполномочения главнокомандующего лично от себя, помимо конгресса, рассылать приказы о наборе рекрутов. Одним из членов этой комиссии был Бенджамин Франклин, с которым Вашингтон теперь близко сошелся. В ноябре в лагерь явились лишь 5 тысяч новобранцев вместо полагавшихся 20 тысяч. Одной из главных причин медленного набора новой армии были денежные награды, помощью которых колонии привлекали людей на военную службу. В разных колониях эти награды были различны, а потому бедные колонии, которые не могли обещать большого вознаграждения, никак не могли набрать достаточного количества войска. Вашингтон энергично восставал против таких наград, и конгресс запретил их. Тем не менее, они практиковались во все время войны и сильно тормозили дело.

Армия набиралась так медленно, и притом ощущался такой недостаток оружия и пороха, что невозможно было атаковать неприятеля, хотя вся страна требовала от армии действия.

Вашингтона начинали упрекать в медлительности, в недостатке мужества. Положение его было поистине трагическое. К счастью, лорд Гоу, ожидавший подкреплений из Англии, не начинал военных действий, надеясь, что американская армия распадется сама собой. Вашингтону приходилось выжидать и надеяться на лучшее будущее. В это время к нему приехала из Маунт-Вернона жена, с этих пор всякую зиму проводившая с мужем в лагере.

В начале 1776 года дела американской армии значительно улучшились: запас пороха и оружия увеличился, и каждый день приходили новые партии новобранцев. Вашингтон наконец созвал военный совет и предложил обсудить план атаки Бостона, пока неприятель не успел еще получить больших подкреплений. План Вашингтона состоял в том, чтобы занятием Дорчестерских высот близ гавани выманить часть английской армии из Бостона и, таким образом, облегчить американцам занятие города. Вечером 4 марта Дорчестерские высоты были заняты и укреплены американцами под командованием генерала Томаса. Пока Томас укреплял позицию, Вашингтон распорядился открыть огонь из американского лагеря, чтобы отвлечь внимание англичан. Но взятие города оказалось проще, чем ожидал главнокомандующий. Лорд Гоу получил из Англии предписание передвинуться со всей армией и флотом в один из южных портов. Гоу готовился уже к выступлению, когда ему сообщили, что английский флот находится под угрозою дорчестерских батарей, воздвигнутых американцами. Тогда Гоу объявил бостонцам, что не станет разрушать их города, если американцы не помешают выступлению английского флота из гавани, рассчитывая на то, что Вашингтон пожелает пощадить город. Он не ошибся. Вашингтон сам был рад, что дело окончится без кровопролития. 17 марта английский флот покинул гавань Бостона, и в тот же день генерал Путнам во главе двух американских дивизий вступил в город и занял все посты. На следующий день вступил в город Вашингтон, сердечно приветствуемый населением. Законодательное собрание Массачусетса и конгресс выразили главнокомандующему свою благодарность за великие его услуги стране, и в память освобождения Бостона конгресс приказал отчеканить золотую медаль с изображением Вашингтона.

Глава V. Ход американской революции от взятия Бостона до союза с Францией

Объявление независимости Северной Америки. – Защита Нью-Йорка и сражение при Лонг-Айленде. – Отступление Вашингтона на континент и реорганизация армии. – Отступление к Делавэру. – Общее уныние. – Сражение при Трентоне и Принстоне. – Вашингтон – диктатор. – Занятие Филадельфии англичанами и битва при Джермэнтоуне. – Зимний лагерь в Валлей-Фордже, страдания армии и план Вашингтона для устранения их. – Заговор Конвея

После освобождения Бостона от англичан Вашингтон имел в своем распоряжении уже значительную армию благодаря успешному набору солдат в колониях Новой Англии. Опасаясь, что Гоу может внезапно напасть на Нью-Йорк, Вашингтон двинулся туда, как только английский флот скрылся из виду. Между тем из Канады, куда Вашингтон отправил полковника Арнольда с небольшим войском для действий против Квебека, приходили самые безотрадные вести. От армии, посланной туда, оставались лишь жалкие остатки, которые не могли бы справиться со свежими английскими силами, ожидавшимися этой же весною. По требованию конгресса Вашингтон отправил в Канаду подкрепление с целью помешать неприятелю проникнуть внутрь страны. Для обсуждения дальнейшего плана военной кампании необходимо было личное присутствие Вашингтона на конгрессе, и потому в конце мая 1776 года он отправился в Филадельфию.

В это время члены конгресса находились в большом затруднении. Из Англии получены были известия о готовности метрополии примириться с колониями, и многие члены конгресса были сторонниками соглашения с Англией. Но Вашингтон, недавно еще допускавший возможность примирения, теперь примкнул к той партии конгресса, которая не желала соглашения с сен-джемским кабинетом: главнокомандующий был твердо уверен, что Англия, несмотря на свои сладкие речи, хочет только выиграть время и в будущем намеревается продолжать свою прежнюю, унизительную для американцев, политику. Чтобы вовремя потушить раздор, уже начинавшийся среди членов конгресса под влиянием происков Англии, необходимо было раз и навсегда отрезать всякую возможность примирения.

Большинство конгресса давно уже носилось с мыслью о провозглашении независимости колоний; теперь же эта мера казалась особенно желательной. Вашингтон горячо стоял за нее, соглашаясь с виргинским законодательным собранием, которое первое предложило конгрессу объявить колонии независимыми и объединенными штатами. Вместе с наиболее смелыми членами конгресса Вашингтон считал объявление независимости самым могущественным средством, чтобы заставить сильнее биться все сердца и достигнуть того, чтобы население напрягло все свои силы для борьбы за великое дело.

Покинув Филадельфию, Вашингтон вернулся в Нью-Йорк и деятельно принялся за укрепление этой позиции. Вместе с тем ему пришлось влиять на гражданскую власть и требовать подавления происков так называемых тори, или тайных приверженцев английского короля на американской земле. Несмотря на свою гуманность и терпимость ко всякого рода убеждениям, Вашингтон был сторонником ареста и конфискации имуществ торийской партии, гнездо которой находилось в Нью-Йорке: эти люди были крайне опасны для едва зарождающейся свободы Америки. Опасения Вашингтона относительно намерений англичан подступить к Нью-Йорку оказались обоснованными: уже в конце июня английский флот появился перед Нью-Йорком, но не начинал военных действий, ожидая подкреплений из Англии.

Между тем конгресс решился на тот шаг, которого давно уже ждало население колоний: 4 июля 1776 года колонии объявлены были свободными и независимыми штатами. Эта желанная весть быстро пронеслась от одного конца страны до другого и везде встречалась с энтузиазмом. Получив от конгресса официальное извещение об этом событии, Вашингтон выстроил свои полки и приказал громко прочесть перед ними декларацию о независимости Северной Америки, и пушечный салют возвестил всему миру о начале нового порядка. Войско было охвачено восторгом; долго не унимались радостные крики и рукоплескания. Приказ дня, разосланный Вашингтоном по всему лагерю, заканчивался следующими словами: “Генерал надеется, что это новое событие заставит каждого солдата действовать мужественно, сознавая, что благо страны зависит, кроме Бога, от успеха нашего оружия и что каждый из них служит государству, имеющему силу наградить всякого по заслугам и открыть ему доступ к самым высоким почестям”.

12 июля часть флота Гоу вступила в Гудзон и начала подниматься вверх по реке. Гоу хотел отрезать армию Вашингтона от Канады, а Нью-Йорк – от сообщения со страной.

Скоро явился и брат генерала Гоу из Англии с условиями соглашения метрополии с колониями; условия эти показывали, что Вашингтон нисколько не ошибался относительно намерений английского правительства, касающихся колоний, и вряд ли подобные условия могли бы иметь успех и до объявления независимости. Теперь же об успехе миссии лорда Гоу не могло быть и речи. Генерал Гоу в это время отправил Вашингтону официальное письмо, адресованное просто “Джорджу Вашингтону”, так как представитель Англии не считал возможным отнестись к мятежнику, называя его “превосходительством”. Вашингтон же, не желая унижать власти, полученной им от народа, отказался принять письмо. Вот как сам он объясняет свой поступок: “Я ни за что не пожертвовал бы сущностью дела ради формальности; но в данном случае я считал своим долгом относительно моей страны и моего положения настоять на подобающем мне выражении уважения, от чего я охотно отказался бы со всякой другой, но не с общественной точки зрения”. Конгресс вполне одобрил поведение Вашингтона, и генерал Гоу, еще раз потерпев неудачу при посылке письма, принужден был сдаться и впредь называть американского главнокомандующего “Его Превосходительством”.

Ввиду неизбежности столкновения Вашингтон особенно сильно укрепил остров Нью-Йорк, выстроив на нем две крепости – форт Вашингтон и форт Ли. У Гоу, после получения подкрепления, было 30 тыс. войска и превосходный флот; у Вашингтона же было лишь 11 тыс. человек, да и то не привыкших к лагерной жизни и к дисциплине. Они часто вступали в пререкания, и Вашингтон старался действовать на них убеждением, внушая им, что всякое различие национальностей и провинций должно исчезнуть в благородной борьбе за общую свободу и что все они должны прежде всего научиться чувствовать себя американцами. В конце августа армия Вашингтона значительно усилилась подкреплениями, присланными из различных штатов и достигла почти 20 тысяч. Наконец, генерал Гоу начал высаживать свои войска на один из Нью-йоркских островов, Лонг-Айленд, со всех сторон укрепленный американцами. К сожалению, американский генерал Грин, воздвигавший укрепления на Лонг-Айленде и хорошо знакомый с местностью, должен был по болезни передать командование генералу Путнаму, незнакомому с положением, а это не предвещало ничего хорошего. И действительно, благодаря оплошности Путнама американцы вскоре очутились между двух огней и обратились в бегство. Из 3 тысяч американцев около половины было захвачено в плен и убито; правда, им пришлось

иметь дело с пятнадцатитысячной английской армией, и их мужество и стойкость признаны были даже врагами.

Вашингтон видел, что английская армия легко могла отрезать остров Нью-Йорк от американской армии, а потому со всем своим войском поспешил высадиться на этом острове. Это отступление было блестящим образом задумано и выполнено, причем главнокомандующий зорко наблюдал за всеми деталями и в течение 48 часов подряд не сходил с лошади. Англичане заметили переправу на Нью-Йорк только тогда, когда последняя лодка переплывала через реку. Тем не менее, в Америке многие были недовольны образом действий Вашингтона и поражением при Лонг-Айленде; Вашингтон же думал, что, несмотря на численное превосходство неприятеля, сопротивляться было необходимо, чтобы не деморализовать армию, и считал лучшим отдельными схватками ослаблять и задерживать неприятеля, но не вступать с ним в открытую борьбу, пока американская армия недостаточно к этому подготовлена. Все порицания и упреки по своему адресу Вашингтон выносил с удивительною стойкостью, неуклонно продолжая исполнять свой долг. Когда же упавшие духом солдаты начали дезертировать и на каждом шагу приходилось сталкиваться с нарушением дисциплины, Вашингтон потребовал у конгресса реорганизации армии и создания постоянного войска, по крайней мере на время войны. По мнению Вашингтона, только постоянная армия могла гарантировать до некоторой степени благополучный исход войны с Англией.

С такой армией, какая находилась в распоряжении Вашингтона, нечего было и думать о сохранении Нью-Йорка. Вашингтон решил постепенно отступать, стараясь в то же время отдельными схватками как можно больше вредить неприятелю. 15 сентября англичане начали высаживаться на острове Нью-Йорк. Вашингтон накануне отправился осматривать позицию, куда предполагалось отступить. Услышав пушечную пальбу, он поскакал назад. Подъехав к своему войску, Вашингтон увидел ошеломляющее зрелище: целая дивизия обратилась в беспорядочное бегство, не сделав ни одного выстрела, хотя еще не более сотни англичан высадилось на берег. Такой ужас уже успели внушить англичане американцам! Вашингтон, потеряв всякое самообладание, как бешеный, ринулся в бегущую толпу, бил палкой офицеров, ругая их подлыми трусами, потом выхватил саблю и бил ею плашмя налево и направо с целью остановить солдат. Но все было напрасно. В отчаянии Вашингтон, предпочитавший смерть такому позору, один бросился навстречу неприятелю, и трудно сказать, чем бы это кончилось, если бы некоторые офицеры не успели схватить его лошадь за узду.

Вашингтон был человек с сильными страстями, но и с огромным самообладанием; когда же он – что случалось чрезвычайно редко – терял свое самообладание, то становился ужасен. Вся американская армия отступала к Гарлемским высотам в самом удрученном состоянии духа, который, впрочем, несколько поднялся после одной удачной стычки с неприятелем, где американцы дрались, как львы. Сам Гоу находил, что с американцами далеко не так легко справиться, как это многие думают, и просил подкрепления из Англии, так как американцы отказывались поступать к нему на службу.

Воспользовавшись перерывом военных действий, Вашингтон, получивший наконец согласие конгресса, взялся за организацию армии. Конгресс продлил срок службы в войске на три года, и Вашингтон набирал армию на этот срок. Вся армия должна была состоять из 88 батальонов, и каждый штат при этом должен был присылать столько батальонов, сколько позволяли его средства, а также доставлять своим батальонам все необходимое. Жалованье офицерам было увеличено, и им обещано было в виде награды по окончании войны по 20 долларов и по 100 акров земли. Простым рядовым также обещано было выдать земельные участки. Вот все, чего удалось Вашингтону добиться от конгресса. Назначение офицеров, сначала предоставленное штатам, вскоре, однако, ввиду неудобства этого, предоставлено было главнокомандующему.

Решив отступить на континент, Вашингтон 16 октября покинул остров Нью-Йорк и двинулся по направлению к городку Уайт-Плейнс. Гоу следовал за американской армией, и, когда она заняла высокую позицию впереди англичан, атаковал ее, заставив американцев отступить далее. Ночью 31 октября Вашингтону удалось занять и укрепить новую позицию. Но это оказалось бесполезным. Не решаясь дать сражение, Гоу решил переправиться через Гудзон и атаковать форт Вашингтон на острове Нью-Йорк. Атака произошла 16 ноября, и, несмотря на упорное сопротивление американцев, англичанам удалось овладеть этим укреплением, захватив в плен 3 тыс. человек. Это был самый страшный удар, нанесенный в 1776 году американской армии. Общественное мнение всю вину за неудачу сваливало на Вашингтона, хотя он с самого начала советовал покинуть крепость, предоставив ее англичанам.

Все это крайне огорчало Вашингтона. Англичане вскоре взяли также форт Ли и захватили часть пушек и багажа американцев. Боясь, чтобы Гоу не высадился на незащищенный берег между Нью-Йорком и Брунсвиком и не напал на него, Вашингтон, не теряя времени, отступил с главным своим корпусом по

направлению к реке Делавэр. За армией Вашингтона следовал английский генерал лорд Корнуоллис с войском, значительно превышавшим американское. Несмотря на это, Вашингтон отступал в полном порядке. Достигнув города Трентон на реке Делавэр, американская армия 7 декабря переправилась на западный берег. Однако англичане, хотя успели уже завладеть почти всем штатом Нью-Джерси, не нападали на Вашингтона, отчаянное положение которого усугублялось еще и тем, что солдаты, прослужившие под его началом определенный срок, покидали его, а конгресс не присылал подкреплений. К тому же Вашингтон узнал о том, что генерал Ли, один из самых талантливых его помощников, попал в плен к англичанам; зато дивизия его присоединилась к главному корпусу и, кроме того, в американский лагерь прибыл с четырьмя полками генерал Гэтс с границ Канады, где эти полки оказались лишними.

Американцам приходилось более чем плохо. Со дня на день можно было ожидать нападения англичан на Филадельфию, а под командованием Вашингтона находилось лишь несколько жалких полков. Население всей новообразовавшейся республики впало в уныние; многие, особенно из лиц влиятельных и богатых, внимая призыву Гоу, переходили на сторону неприятеля. Как ни тяжело было общее настроение, но Вашингтон не обнаруживал и признаков отчаяния и сомнения. Не поддаваясь ни на минуту страху и колебаниям, горячо и глубоко веря в успех своего дела, он сохранял решительность, спокойствие и предусмотрительность. “Если неприятель возьмет Филадельфию, – говорил он, – то мы отступим за Саскуэханну, а там, быть может, и к Аллеганам”. Хорошо зная характер своего народа, Вашингтон знал также, каков запас его сил и как глубоко коренятся причины восстания; он был убежден, что терпение и настойчивость могут преодолеть все препятствия и что война связана с такими издержками для Англии, каких не в силах выдержать даже богатейшая нация в мире.

Скоро к Вашингтону присоединились еще отряды милиции из Пенсильвании и Филадельфии, сообщившие войску более бодрое настроение. Американская армия расположилась на берегу Делавэра против города Трентон, занятого отрядом легкой британской конницы и тремя полками гессенцев, состоявших на службе у англичан. Вашингтону пришла счастливая мысль – атаковать часть неприятеля в его собственном лагере. Осуществить эту мысль решено было ночью 25 декабря, когда по случаю праздника можно было рассчитывать застигнуть неприятеля врасплох. Как только начало смеркаться, Вашингтон во главе 2400 человек стал переправляться через Делавэр.

Переправа была трудной, так как дул сильный ветер и по реке нестись массы льда; поэтому американцы достигли противоположного берега лишь в 4 часа утра. Разделившись на две части, американское войско подошло к Трентону с двух сторон. Наемные немецкие отряды действительно были застигнуты врасплох и почти все попали в плен; британская конница ускользнула. Американцы в тот же день переправились обратно через Делавэр. Неприятель же, опасаясь новой атаки, стянул свои силы в Принстон. Дав своим войскам отдохнуть несколько дней, Вашингтон снова переправился через Делавэр и занял позицию около Трентона.

Между тем Гоу, узнав о взятии Трентона, послал в Принстон Корнуоллиса, который в начале января двинулся по направлению к Трентону. Вашингтон выслал навстречу Корнуоллису несколько сильных отрядов с целью помешать движению неприятеля, что и было выполнено превосходно. Наконец Корнуоллис подошел к Трентону; это было вечером, и на следующее утро он собирался напасть на американскую армию, нисколько не сомневаясь, что ее удастся уничтожить. Вашингтон же боялся генерального сражения с неприятелем, значительно превосходившим его как численностью, так и дисциплиной. Он созвал военный совет и предложил ночью, пока неприятель, собравший свои силы около Трентона, мирно спал, обходным путем двинуться на Принстон. Сказано – сделано. Чтобы обмануть англичан, приказано было всю ночь поддерживать костры в американском лагере и производить окопные работы в местах, ближайших к английским сторожевым постам. План удался как нельзя лучше: армия Вашингтона, даже не возбудив подозрения неприятеля, вскоре после восхода солнца 3 января 1777 года достигла Принстона и под стенами его наголову разбила английские полки, направлявшиеся было из Принстона к Трентону. Корнуоллис подоспел к Принстону слишком поздно, чтобы выручить своих из беды. Вашингтон был очень доволен победой, совершенной с незначительными силами; он сам дрался в самых опасных точках как под Трентоном, так и под Принстоном. Дав отдохнуть своим солдатам, Вашингтон передвинул континентальную армию к Морристоуну, где намеревался провести остальную часть зимы. Отсюда Вашингтон сделал еще несколько удачных вылазок против неприятеля и вскоре вытеснил британцев из Нью-Джерси. Последние действия Вашингтона подняли упавший дух армии и народа. Все полагали, что армия стоит на краю гибели, – и вдруг в короткое время Вашингтон одерживает две победы и освобождает Нью-Джерси от англичан! Удар, нанесенный сильному и хорошо организованному врагу, оживил по всей

стране военный дух и вконец рассеял уныние и сомнение в силе юной республики. Спасителя отечества все видели в Вашингтоне, и действительно, успех американцев в значительной степени следует приписать неистощимой энергии и военному таланту их полководца.

В конце декабря 1776 года Вашингтон облечен был диктаторской властью на 6 месяцев: конгресс наконец убедился, что может иметь полное доверие к человеку, служившему родине с таким самоотвержением. Вашингтон вполне оправдал это доверие. Чуждый тщеславия, он крайне осторожно пользовался данной ему неограниченной властью; он всегда с благодарностью принимал разумные советы других и нисколько не считал для себя унизительным, когда конгресс или местные гражданские власти добровольно брали на себя часть его обязанностей. Пользуясь временным перерывом военных действий, он занялся организацией новой армии для кампании 1777 года, обратив особенное внимание на составление корпуса офицеров. При этом он выбирал только таких лиц, которые могли представить удостоверения в своих способностях к делу. Всякие личные притязания и голословные рекомендации оставлял он без внимания.

До конца мая обе армии простояли в бездействии: Гоу получил подкрепления из Англии слишком поздно и в недостаточном количестве, а потому не трогал американцев. Наконец Гоу решился проникнуть в Нью-Джерси и подойти к реке Делавэр, или же принудить Вашингтона к генеральному сражению. Однако Вашингтон недаром заслужил прозвище американского Фабия Кунктатора: он ни за что не решился бы в эту минуту на такой шаг со своей неопытной армией и только старался ловкими маневрами помешать неприятелю подойти к Делавэру. Гоу наконец вынужден был удалиться к Нью-Йорку. Вашингтон подозревал, что англичане намереваются вместе со своим флотом атаковать Филадельфию. В июле английский флот действительно вошел в бухту Делавэра, и Вашингтон переправил свою армию через эту реку и занял позицию при Джермэнтоуне, готовясь в случае нужды выступить на защиту Филадельфии. К удивлению Вашингтона, английский флот вдруг снова вышел в открытое море, и так как временно военных действий не предвиделось, то Вашингтон отправился на несколько дней в Филадельфию. Здесь на обеде, данном конгрессом в честь главнокомандующего, Вашингтон познакомился с недавно прибывшим в Америку и принятым в американскую армию молодым маркизом Лафайетом. Вашингтон не особенно сочувственно относился к поступлению иностранцев в

американскую армию: он считал их авантюристами, не столько преданными делу свободы, сколько желающими прославиться. Но горячий, правдивый, бескорыстный Лафайет понравился Вашингтону, и он просил юного француза устроиться в его военной квартире, как у себя дома. Лафайет с радостью принял это приглашение и скоро сделался одним из ближайших его друзей.

В августе Вашингтон узнал, что английский флот вошел в бухту Чизапик, а затем, – что армия высадилась и движется к Филадельфии. Еще до высадки британской армии на континент Вашингтон двинулся навстречу англичанам и, решив не подпускать неприятеля к Филадельфии, дал ему сражение на реке Брэнди-Уайн. Здесь американская армия потерпела поражение, но, несмотря на это, битва произвела хорошее впечатление на конгресс и на население, которые вовсе не хотели уступить англичанам Филадельфию без сопротивления. Со всех сторон начал Вашингтон получать подкрепления и опять на некоторое время был облечен диктаторскою властью. После поражения армия Вашингтона нисколько не была обескуражена, и только проливной дождь помешал ей снова сразиться с неприятелем недалеко от Филадельфии. Вашингтон должен был перейти через реку Шуйлькиль и опять отступить к Джермэнтоуну, решив из этого пункта защищать Филадельфию. В то время его сильно смущало то, что большая часть армии не имела обуви, а около тысячи человек совершали все переходы последних дней босиком. Это было отчасти причиной того, что армия Вашингтона не успела вовремя подойти к Джермэнтоуну, чтобы помешать главному корпусу англичан переправиться через реку Шуйлькиль и войти в Джермэнтоун. Часть британской армии в это время вступила в Филадельфию, находившуюся по ту же сторону реки, что и Джермэнтоун, а главный корпус занял этот город; флот же вышел из Чизапикской гавани и вошел в бухту Делавэра. Надеясь воспользоваться разбросанностью неприятеля, Вашингтон задумал атаковать главный корпус его в Джермэнтоуне. Атака эта произошла 4 октября до восхода солнца, и американцам скоро удалось вытеснить англичан из города, но густой туман, стоявший все это утро, помешал окончательному успеху республиканской армии. Часть американцев, обращенная англичанами в бегство, вследствие тумана приняла своих за врагов и произвела страшную свалку. Вашингтону пришлось отступить, оставив множество убитых и раненых на поле сражения. Несмотря на эту неудачу, американцы и вождь их под Джермэнтоуном проявили такую решимость и стойкость, что доверие страны к армии могло только укрепиться.

В конце года, после нескольких удачных стычек с англичанами под Филадельфией, Вашингтон отправился на зимнюю стоянку в Валли-Фордж, находившуюся в 20 милях от Филадельфии, куда вошел на зиму главный корпус британского войска. Зима 1777/78 года была самой тяжелой для армии Вашингтона. Солдаты сильно страдали от недостатка платья, обуви, съестных припасов; зима была очень холодная, а между тем солдатам, одетым в рубище, нередко приходилось ночевать около костров за неимением одеял и плащей для защиты от мороза. Сам Вашингтон ютился в тесной бревенчатой хижине. При этом окрестное население неохотно доставляло съестные припасы в лагерь, так как Вашингтон, не имея наличных денег, принужден был расплачиваться сертификатами на имя конгресса. Армия была крайне недовольна: как офицеры, так и рядовые грозили оставить лагерь. Вполне понимая, как тяжело положение его голодных, полунагих солдат, Вашингтон не раз принужден был пользоваться полномочиями диктатора, чтобы заставить население хоть что-нибудь привозить в его лагерь; но он всегда прибегал к этому средству крайне неохотно. При всем том раздавались голоса, недовольные бездействием армии, так как англичане опустошали окрестности Филадельфии. Вашингтона подобные выступления приводили в негодование. Торопя конгресс позаботиться об одежде и пропитании армии, Вашингтон между прочим писал: “Смею уверить этих господ, что сочинять военные планы, сидя в удобной теплой комнате, гораздо легче, нежели занимать холодный обнаженный холм и спать на морозе и на снегу без платья и без одеял. Хотя эти господа, по-видимому, мало сочувствуют бедствиям солдат, но я сочувствую им и от всей души скорблю об их страданиях, которых не могу ни устранить, ни облегчить”. Благодаря настойчивым требованиям Вашингтона лагерь был мало-помалу снабжен всем необходимым, и тогда главнокомандующий приступил к выработке новой военной системы, которая сделала бы подобные страдания армии невозможными впредь. Не доверяя самому себе, а главное, своему образованию, Вашингтон с особенным вниманием относился к мнению других, и в данном случае скромный генерал предложил своим офицерам письменно высказать свое мнение по разным вопросам, касавшимся реорганизации армии. На основании этих трактатов и своего личного опыта Вашингтон составил и представил конгрессу свой проект. Проект был принят, кроме предложения назначить офицерам пожизненную пенсию в размере половины жалованья. Вашингтон не идеализировал людей; он знал, что один патриотизм, без материального интереса, долго продержаться не может, и надеялся, что

обеспечение будущей судьбы привлечет на службу более дельных офицеров. Конгресс долго не соглашался на эту меру, не желая создавать в демократической республике привилегированного военного класса; но, наконец, разумные доводы главнокомандующего подействовали. Конгресс постановил выплачивать офицерам половину жалованья в течение семи лет по окончании войны и обещал солдатам, которые до конца войны пробудут в армии, награду в 80 долларов. Вашингтон не был вполне доволен отношением конгресса к армии, которая, по мнению ее главнокомандующего, была исключительным явлением в истории ввиду небывалых лишений, перенесенных ею; но пока пришлось довольствоваться и этими мерами.

Но не только труды и опасности военной кампании, не только переговоры и борьба с конгрессом выпали на долю Вашингтона: немало пришлось ему испытать огорчений вследствие происков врагов, желавших, главным образом из личных честолюбивых побуждений, унизить главнокомандующего в глазах народа. Еще в конце 1776 года опубликованы были в Нью-Йорке письма, будто бы писанные Вашингтоном, в которых высказывалось порицание конгрессу за слишком поспешное объявление независимости американских штатов, а также выражалось сочувствие Англии. Подложность этих писем впоследствии была доказана Вашингтоном. Более дурное влияние на армию и на конгресс имел так называемый заговор генерала Конвея, в котором принимал деятельное участие честолюбивый генерал Гейтс, завидовавший положению Вашингтона. Генерал Конвей, человек хвастливый и высокомерный, возбудил к себе недоверие Вашингтона, и последний открыто высказался против желания конгресса повысить Конвея по службе, говоря, что “заслуги Конвея и его значение больше существуют в его собственном воображении, нежели в действительности”. Этого Конвей не мог простить главнокомандующему. Вместе с Гейтсом, заведовавшим военными операциями в Канаде, Конвей начал распространять в армии и среди населения анонимные письма, доказывавшие неспособность Вашингтона и неуместность его образа действий. Вашингтон отвечал на эти козни презрительным молчанием; он сознавал, что интригу следовало как можно скорее подавить, но это неминуемо привело бы к огласке слабых сторон армии перед неприятелем, а этого Вашингтон желал избежать во что бы то ни стало. Но когда в конце 1777 года англичане были вытеснены из области Гудзона, главным образом благодаря действиям Гейтса, и когда конгресс, куда проникла интрига, только и говорил, что о его доблестях и способностях, Вашингтон понял, чего добиваются его враги, и решил так или иначе

положить делу конец, тем более, что анонимные подкопы и доносы день ото дня становились нахальнее и бессовестнее. 31 января 1778 года Вашингтон писал по этому поводу в конгресс: “Мои враги знают всю щекотливость моего положения, знают, какие политические мотивы лишают меня возможности напасть на них. Я не могу опровергнуть их инсинуаций, не раскрыв некоторых тайн, которые необходимо скрывать до последней возможности. Сердце говорит мне, что я всегда старался делать все, что было в моих силах. Но, может быть, я часто ошибался в моем суждении об обстоятельствах и заслужил обвинение в ошибке~”. Но конгресс, вместо того, чтобы рассматривать дело, замял его: было явно, что в интриге против Вашингтона принимали участие и некоторые члены конгресса. Конгресс покровительствовал планам Гейтса покорения Канады, даже создал военный департамент, во главе которого поставлен был Гейтс, окруженный своими неизменными друзьями, в числе которых находился Конвей. Но предполагаемая экспедиция в Канаду так и осталась на бумаге. Военный департамент вскоре распался, и вся эта история в конце концов нисколько не унизила, а скорее возвысила Вашингтона в глазах войска и народа. Конвей, раненный на дуэли одним офицером, горячим приверженцем Вашингтона, и думая, что последний час его близок, сделал следующее признание в письме, написанном в эти тяжкие минуты к американскому главнокомандующему: “Вероятно, меня скоро не будет в живых; поэтому справедливость и истина заставляют меня высказать мои последние чувства. Вы в моих глазах – великий и хороший человек. Желаю вам долго, долго наслаждаться любовью, уважением и преданностью этих штатов, свободу которых вы защищали своими добродетелями”.

Глава VI. Последние годы американской революции

Союз с Францией. – Освобождение Филадельфии и битва при Монмоутсе. – Оборонительные действия 1779 года. – Прибытие французской эскадры. – Измена генерала Арнольда. – Бунт в армии. – Осада Йорктауна. – Роспуск армии. – Оставление Вашингтоном военной службы и возвращение в Маунт-Вернон

После злополучной зимы 1778 года дела принимают более благоприятный оборот для американцев. Победы англичан, хотя и блестящие, не могли иметь особенного значения: англичане слишком разбрасывали свои силы, а потому мало-помалу теряли занятые ими посты. Проницательные американцы были уверены в том, что англичане сами побьют себя; так, когда Франклину сообщили, что Гоу взял Филадельфию, то он полушутя заметил: “Не лорд Гоу взял Филадельфию, а Филадельфия взяла лорда Гоу”. Вашингтон также сознавал, что разбросанность английской армии приведет ее к погибели. Кроме того, война в Америке истощала Англию в материальном отношении, и это должно было принудить ее в скором времени заключить мир. Американцы тем более могли рассчитывать на успех, что при посредничестве Франклина им удалось заключить военный и торговый союз с Францией, которая рассчитывала ослабить политическое и торговое значение своего давнишнего конкурента – Англии. Узнав о поражении англичан при Трентоне и Принстоне и о капитуляции английских войск в Саратоге (на реке Гудзон), французский король в феврале 1778 года официально признал независимость Соединенных Штатов и заключил с ними договор, обязываясь оказывать денежную и военную помощь Штатам, пока Англия не признает их независимости.

Англия сочла этот шаг Франции открытым объявлением войны и решилась, наконец, на мир со своими колониями. Парламент издал примирительный билль, подтверждавший все прежние права колоний и обещавший всеобщее помилование, если колонии сложат оружие. Но теперь общественное мнение в Америке было уже против возвращения к старому режиму. “Я полагаю, что нас может удовлетворить теперь только независимость, – писал Вашингтон конгрессу. – Несправедливости британской нации по отношению к нам слишком нами незаслуженны, чтобы их можно было забыть”. Конгресс вполне согласился с мнением главнокомандующего и

поставил условием заключения мира удаление всех английских войск с американской территории и официальное признание Англией независимости Соединенных Штатов. Англия, разумеется, не могла принять этого условия, и война продолжалась.

Зимовка в Филадельфии имела роковые последствия для англичан. Долгое бездействие вредно отразилось на дисциплине; солдаты – большею частью немецкие наемники – дезертировали массами, убегая в лесные дебри Америки. На место лорда Гоу главнокомандующим британской армии назначен был Клинтон, в распоряжении которого было 20 тыс. войска, сосредоточенного в Филадельфии; он отправил часть войска в Вест-Индию, а часть – во Флориду, где уже начались вооруженные столкновения между французами и англичанами; сам же Клинтон решил с двенадцатитысячной армией выступить из Филадельфии и направиться в Нью-Йорк, опасаясь, что прибытие французского флота в бухту Делавэра поведет к блокаде Филадельфии.

Выступление из Филадельфии должно было произойти тайно; но Вашингтон узнал о намерениях Клинтона, и, как только неприятель выступил из Филадельфии, пустился вслед за ним с главным корпусом, решив во что бы то ни стало атаковать англичан, на этот раз даже вопреки мнению военного совета. На военном совете особенно сильно ратовал против атаки генерал Ли, только что вернувшийся из английского плена и занимавший в американской армии второе место после главнокомандующего. Тотчас после совета Вашингтон отправил две бригады под начальством Лафайета, по рангу следовавшего непосредственно за Ли, и приказал при первом удобном случае атаковать англичан. Генерал же Клинтон, боявшийся атаки, завидев американский авангард, круто повернул в сторону и занял позицию около городка Монмоутса, со всех сторон окруженного болотами и лесами. Вскоре после ухода Лафайета Ли вдруг заявил Вашингтону о своем желании участвовать в атаке; тогда командование, порученное Лафайету, должно было перейти к Ли, и Вашингтон, дав ему еще две бригады, приказал ему тотчас же соединиться с авангардом, Лафайету же написал объяснительное письмо, прося его уступить командование генералу Ли. Сам Вашингтон с главным корпусом двинулся к Монмоутсу, рассчитывая вовремя подоспеть на помощь своим. Пройдя не более пяти миль, Вашингтон вдруг узнал, что Ли отступает в большом беспорядке. Между тем, судя по немногочисленным выстрелам, сражение еще едва началось. Скоро показались передовые колонны дивизии Ли, и, невольно подумав, что Ли преднамеренно устроил это отступление, Вашингтон в сильном

гневе пришпорил коня и поскакал вперед. Подъехав к Ли, Вашингтон крикнул громовым голосом: “Что означает все это?” Ли замялся. “Я желаю знать причину этого беспорядка!” – повторил Вашингтон, теряя самообладание. По словам свидетеля этой сцены, Лафайета, Вашингтон в эту минуту был положительно страшен. Ли оправдывался, говоря, что солдаты были приведены в замешательство ложными известиями и что он не желал в таком настроении вести их против неприятеля. “Каковы бы ни были ваши взгляды, – презрительно возразил Вашингтон, – я надеялся, что вы по крайней мере исполните мои приказания”.

Но терять время на разговоры было некогда, так как неприятель мог надвинуться всякую минуту. Благодаря энергии и находчивости Вашингтона в дивизии Ли водворен был порядок; на некотором расстоянии от нее расположился главный корпус. Скоро показался и неприятель, атаковавший оба фланга в надежде пробиться сквозь них. Американцы защищали свои посты с отчаянной храбростью; Вашингтон лично руководил всеми действиями, появляясь на самых жарких пунктах сражения. Наконец неприятель вынужден был отступить, потеряв 300 человек. Так как наступила ночь, Вашингтон не преследовал англичан, решив возобновить атаку на следующее утро. Но ночью Клинтону удалось ускользнуть обходными путями, и 30 июня английская армия вступила в Нью-Йорк. В середине июля Вашингтон переправился со своей армией на левый берег Гудзона и расположился лагерем около городка Уайт-Плейнс.

Еще в день битвы при Монмоутсе Ли написал Вашингтону грубое письмо, требуя от него извинений. Вашингтон не только не извинился, но в своем ответном письме назвал поступок Ли крайне позорным. Ли перенес это дело в военный суд, который нашел его виновным, после чего Ли навсегда покинул армию.

В начале июля в бухту Делавэра вошла французская эскадра, состоявшая из 12 линейных кораблей и четырех фрегатов с 4 тысячами отборного войска под командой графа д’Эстена. Население Америки ликовало, тем более, что д’Эстен привез известие о готовности короля ссудить Соединенные Штаты 3 млн. франков. Вашингтон несколько опасался, как бы надежда на помощь Франции не ослабила рвения американцев в борьбе за свою свободу. По его мнению, американцам следовало прежде всего полагаться на самих себя. “Help yourself”, – девиз современного янки – был также девизом Вашингтона, и потому сам он не знал еще, следует ли ему радоваться прибытию французов.

С согласия Вашингтона, д’Эстен решил атаковать с моря

часть английского флота и войска, находившиеся в штате Род-Айленд. Поэтому он передвинул свою эскадру к северу, решив начать атаку с гавани Ньюпорт. Для атаки этой гавани с суши Вашингтон отрядил 10 тыс. американцев под командованием генерала Салливэна. Но французская эскадра, не согласовав с американцами действий, очутилась вдруг между двух огней: с одной стороны ее атаковало близ Ньюпорта английское войско, с другой – флот, появившийся из Нью-Йорка. Графу д'Эстену едва удалось ускользнуть в море; сухопутная американская армия также отступила – и даже с большими потерями. Теперь настроение изменилось: французы были недовольны американцами, американцы – французами, и Вашингтону пришлось умолять своих офицеров и генералов быть как можно сдержаннее с союзниками.

На зиму Вашингтон расположил свою армию в виде длинной цепи между реками Гудзон и Делавэр, а затем отправился в Филадельфию, чтобы переговорить с конгрессом относительно плана ближайшей кампании. Многие члены конгресса высказались за наступательный образ действий; но Вашингтон, отлично понимавший отчаянное положение Англии, которой предстояла война с Францией и Испанией, предложил конгрессу выработанный им оборонительный план войны, гораздо менее тяжелый для страны, материальное состояние которой было более чем плачевно. Финансы Соединенных Штатов были вконец расстроены; бумажные деньги, выпущенные в огромном количестве, представляли собою лишь сороковую часть номинальной стоимости; товары вздорожали, торговые отношения запутались, земледелие и промышленность во многих местах совершенно прекратились. Вашингтон желал в такую тяжелую минуту поберечь силы своих сограждан – это было для него гораздо важнее любой славы, любых завоеваний и побед. Конгресс, убежденный доводами Вашингтона, принял его план оборонительных действий.

Вернувшись в свою главную военную квартиру, Вашингтон приступил к набору новой армии. Дело на этот раз пошло быстрее прежнего, тем более, что солдат требовалось меньше. Дисциплина в армии также значительно улучшилась. Всю зиму 1779 года англичане не предпринимали никаких военных действий и оставались в Нью-Йорке. Вашингтон воспользовался этим перерывом, чтобы нанести удар индейцам, которые огнем и мечом опустошали пограничные области. Экспедиция против индейцев поручена была генералу Салливэну, который надолго отбил у них охоту вторгаться в американские владения. Англичане, по приказанию своего министерства, также начали во

многих местах мародерскую войну; между прочим, значительному опустошению подверглись Виргиния и Коннектикут, причем англичане убивали, жгли и грабили с беспощадной жестокостью. Население взывало о мести. Поэтому Вашингтон решил воспользоваться разбросанностью английского войска, напасть на укрепление Стони-Понт и отнять его у англичан. Атака состоялась ночью 15 июля и увенчалась блестящим успехом. Весь английский гарнизон был взят в плен, американцы завладели огромным запасом оружия и пороха. Этим окончилось военные операции 1779 года. Клинтон стянул свои войска в Нью-Йорк, а Вашингтон сохранял уже ранее занятую им позицию на реке Гудзон, близ Вест-Пойнта.

Наконец в декабре 1779 года Клинтон получил подкрепления из Англии и, оставив часть войска в Нью-Йорке, отплыл в Южную Каролину в надежде, что ему легче будет справиться с рабовладельческими колониями Юга, чем с демократическими колониями Севера. Вашингтон отрядил на юг генерала Линкольна с несколькими полками, а сам перебрался на зиму в Морристоун. Зима была суровая, подвоз провианта был затруднен, и Вашингтону, боявшемуся повторения всех ужасов зимовки в Валли-Фордже, пришлось не раз прибегать к репрессалиям, чтобы спасти своих солдат от голода. Вообще финансовый вопрос был в это время злобою дня в Соединенных Штатах. Не зная, как помочь беде, конгресс издал распоряжение, по которому бумажные деньги при уплате долгов получали свою номинальную ценность. Разумеется, кредиторы были весьма недовольны этим распоряжением; недоволен был и Вашингтон, находивший, что несправедливо нарушать права одной части граждан в пользу другой части. Сам он был в числе пострадавших, так как в свое время успел одолжить разным лицам крупные суммы денег. Многие из его должников вернули ему теперь свои долги, то есть сороковую часть того, что взяли. Особенно возмущали Вашингтона богачи, спешившие теперь уплачивать долги. Один богатый и влиятельный человек, бывший в хороших отношениях с Вашингтоном, вернул свой долг, составлявший довольно крупную сумму. Вашингтон взял, не сказав ни слова. После этот человек дважды являлся в Морринстоун, но всякий раз Вашингтон делал вид, что не замечает его присутствия. Лафайет, свидетель обеих этих сцен, крайне изумился такой необычайной невежливости Вашингтона и заметил, как только упомянутый человек удалился: “Генерал, этот человек, по-видимому, очень предан вам, а вы едва обратили на него внимание”. Вашингтон улыбнулся и сказал: “Я знаю, я не отнесся к нему сердечно; я изо всех сил старался быть с ним вежливым и пытался даже два раза заговорить с ним, но

бумажные деньги стояли у меня поперек горла”.

В июне английский генерал Книфгаузен выступил со своим войском из Нью-Йорка и напал на американцев при Спрингфилде, в Нью-Джерси. Книфгаузен был отбит и опять отступил в Нью-Йорк, куда скоро вернулся Клинтон после весьма удачной экспедиции на юг, где он овладел городом Чарлстон. Вашингтон в это время успел передвинуть свою армию к реке Гудзон.

В начале июля в Америку прибыла новая французская эскадра, получившая инструкцию во всем подчиняться американскому главнокомандующему. Это распоряжение французского правительства было выхлопотано маркизом Лафайетом и значительно упрощало совместные военные действия французов и американцев. Теперь Вашингтон надеялся, что удастся атаковать Нью-Йорк и с суши, и с моря и вытеснить англичан из Северной Америки. Чтобы обсудить это дело, Вашингтон отправился лично к начальнику французского флота, графу Рошамбо. На обратном пути Вашингтон узнал об измене одного из лучших и талантливейших своих генералов – Арнольда, бежавшего к англичанам в надежде таким образом поправить свои крайне запутанные денежные дела. Арнольд вручил планы крепостей и другие важные бумаги английскому майору Андре, который был арестован американцами и которому Вашингтон принужден был подписать смертный приговор как шпиону, несмотря на личную симпатию к нему.

На Юге в это время дела принимали неблагоприятный оборот для американцев. Лорд Корнуоллис занял обе Каролины и собирался вторгнуться в Виргинию. Американцы потерпели сокрушительное поражение у Кемдена. Под влиянием этих критических обстоятельств конгресс, наконец, одобрил давно предлагаемую Вашингтоном меру о назначении офицерам пожизненной пенсии в размере половины жалованья, надеясь таким образом привлечь в армию наиболее способных и деятельных офицеров. Вашингтон в эту пору стоял на зимних квартирах между Гудзоном и Морристоуном и боролся с нуждами и недовольством солдат, не получавших жалованья за несколько месяцев, или получавших плату обесценившимися бумажными деньгами. Недовольство солдат росло с каждым днем и грозило перейти в открытое восстание. Помочь беде не мог ни главнокомандующий, ни конгресс: страна была разорена продолжительной войной, и средств для удовлетворения нужд армии взять было неоткуда. Случилось то, чего опасался Вашингтон: 1 января 1781 года в Нью-Джерси восстала пенсильванская милиция. Солдаты, недовольные попытками офицеров удержать их на службе долее трех лет, убили

нескольких офицеров, захватили с собой пушки и покинули лагерь, намереваясь идти в Филадельфию и добиваться от конгресса удовлетворения всех своих нужд. Вашингтон понимал, что требования солдат были справедливы, и решил избегать всяких насильственных мер, так что не противился желанию солдат двинуться в Филадельфию. Дорогой солдаты значительно успокоились; конгресс выслал им навстречу комиссию с обещанием удовлетворить все их нужды, и солдаты, окончательно успокоенные, вернулись в лагерь. Замечательно, что происки агентов Клинтона, старавшихся переманить солдат на сторону англичан, не имели никакого успеха. Солдаты даже схватили некоторых агентов и представили их своему генералу, говоря, что они “вовсе не Арнольды” и изменять родине не намерены, какие блага ни сулили бы им англичане. Когда вскоре после этого вспыхнул бунт солдат в Нью-Джерси, Вашингтон счел на этот раз нужным подавить его силою и даже казнить двух главных зачинщиков. Но, имея в виду справедливость требований своих солдат, Вашингтон настаивал, чтобы конгресс сделал новый заем во Франции для удовлетворения нужд армии, доказывая, что только таким путем, а не насилием, можно искоренить в армии мятежный дух. Действительно, конгрессу удалось, опять-таки при посредничестве Франклина, сделать во Франции заем в 6 млн. франков и, таким образом, покрыть расходы по содержанию континентальной армии.

После этого Вашингтон только и думал о том, как отнять у англичан Нью-Йорк. Но он должен был отправить несколько отрядов под начальством Лафайета на Юг и ждать набора новой армии, которая, по обыкновению, собиралась крайне медленно. Раньше июля действовать было невозможно, и, повидавшись с начальником французской эскадры, Вашингтон решил в этот срок начать общими силами действия против Нью-Йорка. К тому же пришло известие, что скоро в Нью-Йорк придет французский флот из Вест-Индии. Вашингтон поспешил разослать циркуляры к штатам Новой Англии с требованием поскорее прислать войска, умоляя население в этот важный момент напрячь свои силы, чтобы не ударить лицом в грязь перед союзниками и одним ударом покончить с врагами на Севере.

К концу июня армия Вашингтона настолько увеличилась, что он мог надеяться, в союзе с французами, удачно напасть на Нью-Йорк. Но атака Нью-Йорка не состоялась по той причине, что адмирал де Грасс, начальник французского флота в Вест-Индии, двинулся в Чесапикскую бухту и просил Вашингтона как можно скорее направиться на Юг, так как французский флот мог пробыть в Чесапике только до половины октября. Радуясь

усилению французского флота (который теперь оказывался сильнее английского), Вашингтон так быстро двинулся с союзной армией в Виргинию, что Корнуоллис не успел получить подкрепления; но, думая, что английский флот сильнее французского, он был уверен, что может выдержать осаду, и стянул свою армию в хорошо укрепленный город Йорктаун, у устья реки Йорк, впадающей в Чесапик. 1 октября союзная армия окружила Йорктаун с суши; с моря же он был окружен французским флотом. Первые два редута были построены американцами под непосредственным наблюдением Вашингтона, под непрерывным градом английских бомб. Одна бомба упала возле Вашингтона, взрыла землю и подняла целое облако пыли. Стоявший рядом с Вашингтоном пастор Эванс, гордясь своею храбростью, показал главнокомандующему свою шляпу, покрытую пылью. “Вы бы лучше показали это вашей жене и детям”, – заметил ему Вашингтон. Когда готовы были батареи, Вашингтон собственноручно разрядил первую пушку – и вослед загрохотал адский хор сотни пушек и мортир. Решено было взять первые английские редуты штурмом. Вашингтон, окруженный своими генералами, находился на главной батарее и следил за действиями союзников с напряженным вниманием. Один из адъютантов заметил ему, что он стоит на опасном месте, на что Вашингтон возразил: “Если вы находите это место опасным, то можете оставить его”. Когда два редута были наконец взяты, Вашингтон глубоко вздохнул и сказал: “Дело сделано, и сделано хорошо”. Понимая, что его дело проиграно, особенно ввиду невозможности подвозить съестные припасы, Корнуоллис решился на капитуляцию. Условия ее были следующие: Йорктаун и Глостер передавались американцам, а британские корабли – де Грассу; 7 тыс. отборного английского сухопутного войска становились военнопленными американцев, которые получали также и все огнестрельное оружие англичан.

Взятие Йорктауна было решительным ударом, нанесенным Англии. Этим, собственно говоря, окончились военные действия. Вся страна ожила в ожидании окончания войны. Конгресс выразил благодарность Вашингтону, Рошамбо и де Грассу и решил в память славного события соорудить в Йорктауне мраморную колонну с эмблемами союза Франции и Америки.

Вашингтон переправил свою армию на север, оставив французов в Виргинии, и сам в ноябре покинул Йорктаун. В Эльтсаме ему пришлось присутствовать при смерти своего пасынка, Кэстиса, оставившего после себя четверых малолетних детей. Из них двое младших были впоследствии усыновлены Вашингтоном; они до конца его жизни не расставались с ним и

вполне заменили ему детей. По пути в Филадельфию население везде с торжеством встречало Вашингтона. Вся страна, да и сама Англия теперь жаждали мира. Тем не менее, на конгрессе Вашингтон настаивал на увеличении американской армии, справедливо полагая, что, только имея сильную армию, Америка может диктовать Англии условия мира. Конгресс согласился с этим мнением, и во все штаты разосланы были циркуляры о новом наборе. Но армия набиралась вяло, так как все уверены были в скором заключении мира, и Вашингтону пришлось довольствоваться всего только десятитысячным войском.

В это время в армии начали обнаруживаться тенденции в пользу конституционной монархии, причем верховную власть решено было предложить Вашингтону как единственному человеку, на котором сосредоточивались симпатии армии и населения. В конце мая 1782 года составлена была записка с таким содержанием, которая сильно встревожила главнокомандующего. Вот что он отвечал автору упомянутой записки: “Я был крайне поражен, узнав о тех взглядах, какие вы распространяете. Смею вас уверить, что в течение всей войны ничто не причинило мне такого огорчения, как известие о том, что в армию проникли мысли, внушающие мне такое отвращение. Я положительно не в силах понять, что в моем поведении и во всей моей жизни могло подать повод такому адресу, который, как мне кажется, не может обещать моему отечеству ничего, кроме величайших бедствий. Насколько я знаю себя, вы вряд ли могли бы найти другое лицо, которому ваши планы были бы более неприятны”. Эти строки не нуждаются в комментариях. Какая громадная разница видна здесь между Вашингтоном и Наполеоном!

Вашингтон не распускал армии до тех пор, пока из Европы не пришло известие о заключении мира. В армии, однако, было неспокойно. Офицеры тревожились, что конгресс не выплатит им жалованья, а тем менее станет выплачивать пожизненную пенсию; недовольство, подстрекаемое анонимными листками, грозило перерасти в открытый бунт. Офицеры, наконец, решили устроить собрание с целью принять меры для обеспечения интересов армии. Вашингтон понимал, что дело может окончиться плохо, так как офицеры были крайне возбуждены; он всячески оттягивал собрание, чтобы дать офицерам успокоиться, но запретить собрание не хотел, понимая справедливость требований армии. Когда офицеры наконец собрались для обсуждения дел армии, то неожиданно вошел в комнату главнокомандующий, хотя не был приглашен на собрание. Он первым долгом извинился за то, что так внезапно появился на собрании, сказав, что считал нужным

выразить и свои мнения, которые он изложил письменно и прочтет с позволения своих товарищей. С этими словами он вынул из кармана свиток и развернул его. “Господа, вы мне позволите надеть очки? – сказал он, надевая их. – Я вижу, что не только поседел, но и ослеп на службе отечеству”. Это замечание вызвало у многих на глазах слезы. Речь Вашингтона была проникнута глубоким чувством. Он доказывал офицерам, что в данное время не следует бросать тени подозрения на высший авторитет страны, говоря, что ничего не имеет против того, чтобы армия изложила свои жалобы; он прибавил, что всегда был другом армии, свидетелем ее страданий, всегда радовался ее успехам и не может безразлично относиться к ее интересам. Он обещал сделать все, что в его власти, для удовлетворения законных требований армии и заклинал офицеров избегать таких решений, которые могли бы повлечь за собой гражданскую воину. Впечатление от этой речи было подавляющее. После удаления Вашингтона офицеры рассуждали недолго и единодушно приняли резолюцию благодарить главнокомандующего и выразить свое доверие конгрессу и стране. После этого в армии восстановилось спокойствие. Конгресс действительно внял просьбам Вашингтона и постарался удовлетворить справедливые требования армии.

Вскоре Вашингтон получил официальное извещение о том, что в Париже подписан мирный договор, подтверждавший независимость Американского Союза. Тогда конгресс распустил большую часть армии; вслед за тем англичане очистили Нью-Йорк, куда теперь торжественно вступили американцы с генералом Вашингтоном во главе.

Вашингтону оставалось теперь только отказаться перед конгрессом от своей должности. Но сначала он должен был проститься с офицерами, и это прощание было очень тяжело Вашингтону. Оно состоялось 4 декабря в одной из городских таверн, куда собрались все офицеры и их любимый вождь. Вашингтон был слишком взволнован, чтобы скрыть свои чувства. Наполнив свой стакан вином, он сказал: “С сердцем, полным любви и благодарности, я вам говорю теперь мое последнее прости. От всей души желаю, чтобы ваши последующие дни были так же благополучны и счастливы, как ваши прежние дни были доблестны и славны”. Выпив свой стакан, он прибавил: “Я не могу подойти и проститься с каждым из вас в отдельности; но вы очень меня обяжете, если каждый из вас подойдет ко мне и подаст мне свою руку”. Генерал Нокс, стоявший ближе других к Вашингтону, подошел к нему первый. Вашингтон не в силах был произнести ни одного слова: он схватил Нокса за руку и обнял его. Так же простился он и с остальными офицерами. У всех

присутствовавших глаза наполнились слезами. Никто не проронил ни слова, чтобы не нарушить торжественности и трогательности этого последнего свидания. Пожав всем руку, Вашингтон вышел из комнаты и направился к пристани, где ожидала его шлюпка. Долго еще, стоя в шлюпке, Вашингтон медленно размахивал шляпой, прощаясь с дорогими товарищами.

Везде народ, члены законодательных собраний и различные общества торжественно встречали Вашингтона, ехавшего в Аннаполис, где заседал конгресс. 23 декабря, в присутствии всех членов конгресса, Вашингтон сложил с себя должность главнокомандующего. “Окончив труд, возложенный на меня, – сказал при этом Вашингтон, – я удаляюсь с этого великого театра действий. Я прощаюсь с этим высоким собранием, под руководством которого так долго действовал, и, отказываясь от должности, навсегда покидаю общественную жизнь”. С этими словами он подошел к председателю и вручил ему свой отказ от должности.

В тот же день Вашингтон отправился в Маунт-Вернон, где провел канун Рождества после восьмилетнего отсутствия.

Глава VII. Перерыв в общественной деятельности Вашингтона

Настроение Вашингтона после возвращения в Маунт-Вернон. – Заботы о развитии водных путей сообщения. – Последнее свидание с Лафайетом. – Заботы Вашингтона о распространении народного образования. – Занятия сельским хозяйством, и садоводством. – Приезд множества посетителей в Маунт-Вернон и обширная переписка Вашингтона. – Участие Вашингтона в составлении конституции Соединенных Штатов. – Избрание Вашингтона президентом Соединенных Штатов

Более восьми лет не был уже Вашингтон в Маунт-Верноне и наконец, когда слава его гремела на весь мир, он мог с сознанием исполненного долга отдохнуть в своем любимом мирном уголке после всех перенесенных им трудов, опасностей и лишений. Он жаждал спокойствия, уединения, занятия своим хозяйством, которое к тому же в его отсутствие вследствие войны пришло в расстройство. Личные расходы Вашингтона за последние годы составляли крупную сумму, главным образом покрывавшуюся доходами с Маунт-Вернона, так как он не получал жалованья во время войны, а после ее окончания отказался от предложения конгресса возместить ему денежные расходы. Погрузившись в сельское хозяйство, Вашингтон был вполне доволен своей судьбою, как видно из его письма к Лафайету в феврале 1784 года: “Наконец я сделался частным гражданином на берегах Потомака и под тенью моих виноградников и фиговых деревьев, свободный от сутолоки лагерной жизни и от деловых сцен общественной деятельности, я вполне наслаждаюсь теми тихими радостями, о которых имеет весьма слабое представление воин, гоняющийся за славой, государственный человек, посвящающий свои дни и бессонные ночи составлению проектов для поднятия благосостояния родной страны и, быть может, для нанесения вреда другим странам, как будто этот земной шар не может вместить всех нас, – или царедворец, постоянно следящий за выражением лица своего повелителя в надежде увидеть милостивую улыбку. Я не только удалился от общественных дел, но собираюсь уйти в себя и надеюсь найти полное внутреннее удовлетворение, одиноко совершая свой жизненный путь и шествуя по стезе частной жизни. Никому не завидуя, я решился быть всем довольным. Вот в настоящее время план моего похода, и я бодро буду двигаться под гору жизни, пока не усну с моими

предками”. Спустя немного времени он писал генералу Ноксу: “Я чувствую себя, как утомленный путник, который, совершив много мучительных шагов с тяжелой ношей на спине, наконец освобождается от тяжести, достигнув тихой пристани, и с порога своего дома оглядывается назад, еще раз обнимая мыслью те тропинки, по которым он избежал сыпучих песков и болот, лежавших на его пути”.

В первый же год по возвращении в Маунт-Вернон Вашингтон отправился осматривать свои земли к западу от Аллеган, приобретенные им еще до революции. Одною из главных целей этого путешествия было ближе ознакомиться со свойствами рек, текущих с Аллеган и впадающих в Огайо, и посмотреть, нельзя ли соединить их каналами с Потомаком или Джемсом, вливающимися в океан, а также с Великими Озерами. Несмотря на свои 52 года, Вашингтон с удовольствием совершил это путешествие верхом на коне вместе со своим другом Крэком, вспоминая былые времена войны с французами, ночуя под открытым небом среди величественной природы, которая одна не изменилась, хотя в судьбах людей произошло столько перемен! Как видно из его дневника, Вашингтон обращал большое внимание на взаимное положение рек, на те пункты их, где ему казалось удобным устройство пристаней и т. д. Он хотел было по Огайо спуститься к Великой Кенгаве, но, услышав о враждебном настроении тамошних индейцев к белым, предпочел вернуться в Маунт-Вернон, проехав в общей сложности около 700 английских миль. В Маунт-Верноне на основании своих собственных наблюдений он выработал проект внутреннего судоходства. В развитии внутренней навигации, в данном случае в соединении рек, берущих начало в Аллеганах и несущих свои воды в Огайо, с Потомаком и Джемсом, он видел могущественный стимул для развития внутренней торговли и промышленности и для сближения штатов между собою; ему казалось, что отдельные штаты не сознают общности своих интересов и часто бывают проникнуты партикуляризмом потому, что редко приходят в соприкосновение друг с другом, а это, по мнению Вашингтона, неизбежно должно ослаблять федерацию. Эти идеи Вашингтона нашли себе применение и осуществление частью при его жизни, частью после его смерти.

В ноябре, к большой радости Вашингтона, к нему приехал гостить в Маунт-Вернон его друг Лафайет. Прожив около месяца у Вашингтона, Лафайет должен был уехать во Францию. Вашингтон, глубоко любивший и уважавший этого человека, так бескорыстно послужившего делу Америки, с большой грустью расставался со своим молодым другом и, предчувствуя, что это их

последнее свидание, сам проводил его до Аннаполиса. Вернувшись домой, Вашингтон написал Лафайету следующие строки: “В момент нашей разлуки я глубоко чувствовал любовь, уважение и привязанность к вам, возникшие во мне под влиянием многолетнего общения и дружбы с вами и под влиянием ваших заслуг. Когда наши кареты разъехались, я все спрашивал себя, неужели я видел вас в последний раз? Хотя я желал отвечать *нет,* но должен был отвечать *да.* Я вспомнил дни моей юности, которые давно уже навсегда улетели, вспомнил, что теперь спускаюсь с горы, на которую взбирался в течение 52 лет, что, несмотря на крепкое телосложение, я принадлежу к недолговечной семье и скоро буду погребен со своими предками. Эти мысли сгустили тени, придав мрачный оттенок картине, а следовательно, и моей надежде еще раз увидеть вас”. Предчувствия не обманули Вашингтона: он больше не виделся с Лафайетом, но никогда не терял его из виду и во время Французской революции всячески старался облегчить его тяжелую судьбу. Лафайету удалось освободиться из тюрьмы отчасти благодаря влиянию Вашингтона.

Проект Вашингтона о развитии водных путей сообщения был принят законодательным собранием Виргинии (1785 год), и скоро составилось два общества для осуществления проекта Вашингтона – потомакское и джемское. Виргинское собрание решило поднести Вашингтону как инициатору этого дела 150 акций обоих обществ на сумму более 60 тысяч долларов. Вашингтон принял этот денежный подарок, но с условием, что ему позволено будет употребить его на какое-нибудь полезное общественное дело. Вашингтон пожертвовал 100 акций в пользу одного высшего учебного заведения в графстве Рокбридж, получившего с тех пор название колледж Вашингтона; 50 же акций Вашингтон завещал на основание и расширение университета в округе Колумбия. Получив сам образование весьма скудное, Вашингтон, тем не менее, был горячим сторонником просвещения народа, особенно важного, по его мнению, в республиканском обществе, где общественное мнение руководило всеми действиями правительственных учреждений. Особенно сильно желал Вашингтон, чтобы в Америке возник национальный университет на европейский лад, но эта идея приведена была в исполнение лишь после его смерти. Университет, думалось ему, более всякого другого учреждения способен искоренить местные предрассудки и способствовать слиянию разнородных составных частей федерации. Общие духовные интересы казались Вашингтону не менее важными для объединения нации, чем общие интересы экономические. Еще

больше заботился он о распространении знаний в народных массах. Идея так называемых народных университетов, которыми ныне так гордится Америка, уже приходила в голову ее освободителю. Общее идейное образование, наряду с профессиональным, представлялось ему, несмотря на деловой склад его ума, чрезвычайно важным, и он доказывал, что государство не должно щадить затрат, которые в будущем окупятся сторицею. Щедрою рукою ежегодно жертвовал он из своих личных средств крупные суммы на сиротские школы, академии и колледжи. В пользу воспитания бедных детей в Александрии он вносил ежегодно 50 фунтов стерлингов, умирая, завещал для этой цели 4 тыс. долларов. Многих бедных юношей он содержал на свой счет как в высших, так и в средних школах. Нечего и говорить, что он дал основательное образование своим многочисленным племянникам и потомству своего пасынка.

Сельское хозяйство, как всегда во время пребывания в деревне, сильно занимало и теперь владельца Маунт-Вернона. Чтобы восстановить потери в хозяйстве во время своего отсутствия, Вашингтон завел строгую экономию. Долголетний опыт убедил его, что табак сильно истощает почву, и потому, тотчас после возвращения в свое имение, он завел у себя новую плодосменную систему: пшеница, маис, картофель, овес, кормовые травы и другие злаки последовательно засевались на одном и том же поле через определенные промежутки времени. Вашингтон набросал даже схему посевов на несколько лет вперед и очень удачно осуществлял ее до самой своей смерти. В земледелии, как и в военном искусстве, он был прежде всего практик; он знал особенности каждого клочка своей земли и руководился ими, плохо умея разбираться в агрономических книжках. Очень любил Вашингтон и садоводство. Дом свой он окружил рощами, фруктовыми деревьями, цветниками, оранжереями, разводил всевозможные экзотические виды растений, выписывая их из Европы, Вест-Индии и так далее. Большой луг перед домом он обсадил деревьями и кустарниками и сам нередко помогал при этом в работах. Его часто можно было видеть в саду с садовыми ножницами в руках, занимающегося стрижкой деревьев. Садовников своих он выписывал из Европы, придавая большое значение развитию садоводства.

Немало времени, однако, приходилось ему уделять многочисленным посещениям, предметом которых сделался теперь Маунт-Вернон. Это было не особенно-то приятно Вашингтону, но дом его был открыт для всех, особенно же для тех, которые являлись к нему по рекомендации его друзей или сослуживцев, и все встречали с его стороны простой и вежливый

прием. В этом отношении большую часть бремени брала на себя его жена; ее простота и достоинство в обращении производили на всех прекрасное впечатление, и все покидали дом Вашингтона довольные, воочию увидев царившее в нем мирное и тихое семейное счастье. Другим бедствием для владельца Маунт-Вернона была его обширная переписка с друзьями и с разными выдающимися общественными деятелями Европы и Америки. Каждый день в Маунт-Вернон приходила целая груда писем. Первое время Вашингтон читал их и отвечал на них один, но потом пришлось пригласить секретаря. Особенно много времени отнимали у него ответы на просьбы его сослуживцев выдать им свидетельства о военной службе или походатайствовать за них перед правительством. Для удовлетворения этих просьб приходилось часами рыться в деловых документах и иногда только для того, чтобы убедиться в неосновательности притязаний того или другого лица. Напряженная работа вредно отзывалась на здоровье Вашингтона, который к тому же, вследствие обширной переписки и приема гостей, очень мало пользовался уединением и редко мог предаваться своим мыслям.

Удалившись с арены общественной деятельности, Вашингтон, однако, не переставал внимательно следить за ходом общественных дел. Его сильно заботила непрочность связи между отдельными частями федерации. После заключения мира с Англией местные интересы стали все более и более выступать на первый план, а это грозило погубить только что отвоеванную независимость. Конгресс, не имевший большой власти даже во время войны, теперь потерял всякое значение; функции законодательства и управления фактически сосредоточились в законодательных собраниях отдельных штатов, которые ничего и слышать не хотели о единообразной системе экономической политики, необходимой, однако, для покрытия национального долга и для процветания внутренней торговли. Соединенные Штаты лишились кредита в Европе и внутри страны и переживали промышленный и торговый кризис. Лучшие деятели Америки, и в том числе Вашингтон, считали необходимым пересмотр конституции и усиление власти конгресса. Иные общественные деятели начинали сомневаться в способности колоний к самоуправлению и выступали сторонниками конституционной монархии наподобие английской. “Какие удивительные перемены могли произойти за несколько лет! – пишет по этому поводу Вашингтон. – Я слышал, что даже почтенные люди говорят без ужаса о монархической форме правления. Но какой это был бы непоправимый и ужасный шаг! Да поможет Бог, чтобы вовремя были приняты меры для отвращения последствий, которых мы

имеем слишком много оснований опасаться!" Вашингтон знал, что юная республика скрывает в себе неистощимый запас сил, и что силы эти развернутся во всей полноте, если дать союзному государству здоровую организацию.

Наконец общественное мнение многих штатов стало высказываться в пользу составления новой конституции. После многих переговоров съездом делегатов от отдельных штатов в Аннаполисе (1786 год) решено было разослать всем штатам предложение прислать депутатов на Конвент, который должен был собраться в Филадельфии в мае 1787 года для составления конституции. В то же время аннаполисское собрание известило об этом конгресс. В числе своих семи делегатов на Конвент Виргиния единогласно и прежде всего выбрала Вашингтона. Вашингтон неохотно согласился покинуть свое деревенское уединение; но делать было нечего – долг всегда стоял для него выше всяких других соображений. Решившись принять участие в составлении конституции, Вашингтон, по своему обыкновению, деятельно готовился к этой работе, внимательно штудируя капитальные исторические сочинения и изучая конституции древних и новых времен. Особенно усердно знакомился он с конституциями Англии, Швейцарии и Нидерландов.

Когда в мае 1787 года Вашингтон прибыл в Филадельфию, ему была устроена торжественная встреча, и отряд легкой конницы эскортировал его при въезде в город. Вашингтон первым долгом сделал визит престарелому Франклину, к которому относился с величайшим уважением, считая его украшением не только своей родины, но и всего человечества.

Конвент для составления новой конституции открыл заседания 25 мая 1787 года. Председателем ее единогласно избран был Вашингтон. Четыре месяца длились жаркие дебаты; в общем, однако, работа налаживалась благодаря умению председателя вести дело – искусству нелегкому, так как в Конвенте принимали участие представители всевозможных мнений и интересов. Сам Вашингтон говорил очень редко, но когда говорил, то мнение его всегда оказывало влияние, побуждая различные партии к уступкам и соглашениям. 17 сентября 1787 года конституция Соединенных Штатов была наконец готова и подписана почти всеми членами Конвента; эта конституция с незначительными изменениями продолжает действовать и доныне в Североамериканском Союзе. Конституция 1787 года была результатом компромисса между малыми и крупными штатами, между представителями крупной и мелкой собственности, между интересами земледельцев и промышленников. В этом ее сильная и в этом же ее слабая

сторона, и потому многие усматривали ее достоинство именно в том, в чем другие видели ее недостатки, и наоборот. Это-то и заставляло Вашингтона и его товарищей по созданию конституции считать новую конституцию “лучшею, какая только могла быть получена в настоящее время”.

Для вступления конституции в силу необходимо было одобрение ее населением девяти штатов. Конгресс, напечатав ее в достаточном количестве экземпляров, разослал ее законодательным собраниям всех штатов. Население каждого штата должно было избрать представителей, которые решили бы вопрос о принятии или непринятии конституции. На это ушел еще почти целый год, в течение которого происходила страстная полемика между приверженцами и противниками новой конституции, но в общем дело клонилось к ее принятию. Получив официальное одобрение конституции от девяти штатов, конгресс назначил день (в начале февраля 1789 года), когда народ во всех штатах должен был избрать представителей для выбора президента Союза. В начале марта должны были произойти выборы президента, и взоры всей нации обратились на Вашингтона. Все, правда, знали скромность Вашингтона, его любовь к сельской жизни, его нежелание опять вступать на общественное поприще; но все знали также, что никогда он не отказывался следовать призыву страны и всегда готов был пожертвовать своими личными благами для ее блага. Избрание Вашингтона обещало примирить все разногласия, так как он пользовался уважением всех партий без исключения. К тому же республика, едва вышедшая из пеленок, нуждалась в таком опытном и твердом руководителе. Вашингтон видел, что эта горькая чаша не минует его, но разве мог он отказаться выпить ее до дна? Наконец, в начале апреля (вместо марта) в Нью-Йорке собрались избиратели президента, и Джордж Вашингтон единодушно провозглашен был первым главою республики Соединенных Штатов.

Глава VIII. Президентство и последние годы Вашингтона

Торжественное вступление Вашингтона в Нью-Йорк. – Присяга и вступительная речь. – Болезнь Вашингтона и смерть его матери. – Правила Вашингтона при назначении чиновников. – Приемные дни президента. – Поездка в Северные штаты. – Приведение в порядок финансов. – Отношение Соединенных Штатов к другим государствам и война с индейцами. – Политические партии в конгрессе и вражда между членами кабинета. – Объявление нейтралитета Соединенных Штатов. – Нападки на Вашингтона. – Торговый договор с Англией. – Прощальный адрес Вашингтона к народу и возвращение в Маунт-Вернон. – Военные приготовления ввиду войны с Францией. – Болезнь и смерть Вашингтона

В половине апреля 1789 года в Маунт-Верноне Вашингтон получил от председателя сената официальное извещение об избрании его президентом республики. Все было уже готово к отъезду, и 16 апреля Вашингтон пустился в путь, на этот раз особенно неохотно расставаясь с деревенской жизнью. “Я простился с Маунт-Верноном, с частной жизнью и с домашним счастьем; подавленный самыми тревожными и тяжелыми чувствами, я направил свой путь в Нью-Йорк с наилучшими намерениями еще раз послужить родине, но со слабыми надеждами достойно выполнить ее ожидания~”.

Путешествие Вашингтона в Нью-Йорк было настоящим триумфальным шествием. От одного города до другого его сопровождали отряды легкой кавалерии. Во всех городах его встречали колокольным звоном и пушечными залпами. Везде выходили ему навстречу и представители гражданской власти, депутации от религиозных и научных обществ и от горожан. Народ толпился по дорогам, чтобы поглядеть на своего президента. В Нью-Джерси встретили его представители от обеих палат конгресса (палаты депутатов и сената). Отсюда Вашингтон поплыл в Нью-Йорк в разубранной зеленью и флагами лодке, сопровождаемый огромной толпою. Едва в Нью-Йорке он высадился на берег, как раздался пушечный залп и загудели все колокола города. Дома были украшены флагами и цветами, толпа приветствовала его радостными криками. Вашингтон как истинный представитель демократического правления, не захотел ехать в карете, а отправился в отведенный для него дом пешком, в сопровождении народа, высших сановников, духовенства и нью-

йоркской милиции. Вечером город был иллюминован. Это было 23 апреля. 30 апреля Вашингтон принес присягу конституции в Федеральной зале, куда президента сопровождали обе палаты конгресса, войска и высшие государственные чиновники. Вашингтон вышел на балкон и, положив левую руку на сердце, а правую на Библию, на глазах всего народа произнес формулу клятвы. После этого на куполе здания взвился национальный флаг, многотысячная толпа огласила воздух восторженными криками и со всех нью-йоркских батарей раздался пушечный залп. Вашингтон, сильно взволнованный, вошел в залу заседаний, чтобы произнести вступительную речь. “При этом великий человек был так смущен, как никогда не смущался перед направленной на него пушкой, – говорит один очевидец. – Он дрожал и прерывающимся голосом читал свою речь”. Другой очевидец прибавляет: “Это была трогательная и торжественная сцена. Вид у него был серьезный, почти печальный; голос его был глухой, несколько дрожащий и еле слышный”. Окончив речь, в которой выражал надежду, сообща с представителями народа, способствовать благу страны, Вашингтон отправился в церковь св. Павла, где было совершено торжественное богослужение.

Приняв доклады от лиц, временно поставленных во главе различных ведомств, Вашингтон самым тщательным образом вник во все дела молодого государства, сам рылся в архивах и делал извлечения из важнейших документов. Но вскоре ему пришлось прервать эту деятельность: тяжкий недуг на целых три месяца отвлек его от государственных дел. Едва оправившись от болезни, он получил известие о смерти матери, скончавшейся 25 августа 1789 года, 82 лет от роду. Она дожила до славы своего сына, но никогда не хвастала этим, до конца дней сохранив простоту, не лишенную суровости. Слыша похвалы сыну, она молчала или говорила: “Джордж всегда был хорошим сыном, и я надеюсь, что как человек он исполнил свой долг”. Вашингтон искренне оплакивал свою мать, которой многим был обязан в жизни.

Между тем конгресс успел организовать исполнительную власть республики. Создано было 4 департамента (по-нашему, министерства): иностранных дел, финансов, военный и юстиции. Вашингтон назначил министрами способных и честных лиц, обнаружив умение беспристрастно выбирать себе дельных помощников. Вашингтон поставил себе за правило никого не назначать ни на какую должность по протекции. Он не обращал внимания ни на происхождение, ни даже на политические принципы чиновников; ему нужна была только гарантия, что данное лицо отличается честностью, трудолюбием и

необходимыми для дела сведениями. Никогда не стеснялся Вашингтон отказывать своим друзьям или знакомым, просившим его пристроить кого-нибудь, кто не годился для дела, к теплому местечку, и благодаря этому избежал интриг, зависти и тому подобного, царящих сплошь и рядом в чиновничьих сферах. Только один раз назначил он на одну должность своего родственника, да и то убедившись в его познаниях. Руководясь этими здоровыми принципами, Вашингтон поставил во главе министерства иностранных дел (куда включено было и ведомство внутренних дел) Джефферсона, человека энергичного и талантливого, несмотря на то, что Джефферсон отличался гораздо более крайними демократическими убеждениями, чем Вашингтон. Финансы были поручены Гамильтону, военное ведомство – генералу Ноксу, а департамент юстиции – Джею. Мало-помалу политический механизм Соединенных Штатов начал действовать.

Много времени отнимали у Вашингтона визиты как частных, так и официальных лиц. Приемная президента была всегда переполнена. Приемы утомляли его тем более, что и без них дела было множество, да и годы его уже были не молодые. Расчеты Вашингтона на деликатность публики не оправдывались – всякий хотел воспользоваться своим правом лично обращаться к президенту. Наконец по совету друзей Вашингтон установил для этих приемов определенный час, и каждый вторник с трех до четырех часов в приемную президента мог являться всякий, и он лично со всяким непринужденно беседовал. По пятницам вечером открыт был салон миссис Вашингтон для всех, кто желал посетить дом президента и видеть Вашингтона, который всегда присутствовал на этих собраниях. Они отличались простотою, но всякая фамильярность была исключена как нечто несовместимое с почтением к положению хозяина. Раз в неделю все члены кабинета обедали у президента вместе с его близкими друзьями. Воскресенье Вашингтон всегда проводил в кругу своей семьи. Распределяя таким образом свое время, Вашингтон успевал выкроить время и для занятий своим любимым Маунт-Верноном, для ответов на письма управляющего, причем по-прежнему вникал во все крупные и мелкие дела своего имения. В своем домашнем хозяйстве в Нью-Йорке Вашингтон завел строгую экономию, не желая непроизводительно растрачивать деньги, которые выплачивались ему государством в виде жалованья. Он согласился получать лишь такое жалованье, которое было необходимо для официальных приемов и для содержания дома, а именно 25 тыс. долларов в год. Несмотря на всю экономию, часто приходилось делать прибавки из своих средств для покрытия

расходов, сопряженных с таким высоким положением. Каждый день Вашингтон просматривал и вписывал в особую книгу расходы, проверяя все счета, предоставляемые ему дворецким.

Осенью Вашингтон, пользуясь перерывом в заседаниях конгресса, отправился в штаты Новой Англии с целью воочию убедиться в результатах новой формы правления. Всюду президента встречали с энтузиазмом, народ часто стекался издалека, чтобы поглядеть на своего “отца” и выразить ему свои чувства. Это всегда глубоко трогало Вашингтона – народная любовь была лучшим вознаграждением за все его труды и лишения на благо родины. Еще больше радовало Вашингтона то, что он видел вокруг себя во время своего путешествия. Он видел, что после бурь и невзгод революции во все общественные слои начинают проникать спокойствие и довольство. Земледелие, промышленность, торговля развивались на тех самых местах, где в начале войны проливалась кровь. Раны страны явно заживали, и могущественные силы юного общественного организма беспрепятственно развертывались. Нельзя было сомневаться, что новое правительство действовало удачно. Вашингтон, уверенный в хорошем будущем своего отечества, вернулся опять на свой пост.

Заседания конгресса открылись 8 января 1790 года, и прежде всего были обсуждены меры по урегулированию финансов. Во главе департамента финансов стоял Гамильтон, выработавший проект о том, чтобы для поднятия кредита страны сделать все внешние и внутренние долги Соединенных Штатов национальными или государственными. Внешний долг республики достигал 12 млн. долларов, внутренний же – 42 млн. долларов; последний сделан был конгрессом посредством выпуска бумажных денег во время войны. Наконец, 25 млн. долларов долга имели в общей сложности отдельные штаты. Все эти долги, достигавшие 79 млн., Гамильтон предложил национализировать, что после долгих и жарких прений было принято конгрессом. Вашингтон был очень доволен этим, хотя сам держался в стороне от дебатов, не желая подвергаться обвинению в партийности. Кроме того, конгресс назначил местом своих заседаний (на 10 лет) город Филадельфию и отвел участок земли в Колумбии, решив застроить его и сделать навсегда резиденцией конгресса и президента. Эту задачу взял на себя Вашингтон, который сам вел дела с подрядчиками, назначал архитекторов, рассматривал планы новых построек. Так возник город, названный в честь президента Вашингтоном.

Много времени посвящал Вашингтон тому, чтоб улаживать отношения между Соединенными Штатами и другими

государствами. Отношения с Францией были прекрасные, с Англией же – натянутые. Англия все еще не присылала посла в Соединенные Штаты; к тому же англичане, вопреки мирному договору, все еще удерживали в своих руках некоторые посты в области Великих Озер, под тем предлогом, что Североамериканский Союз не выплачивает Англии своих долгов. Вашингтон решил вступить в переговоры с британским кабинетом и с этою целью отправил в Лондон своего агента, поручив ему агитировать в пользу заключения торгового договора между Англией и Союзом. Этого договора сильно желали торговые и промышленные классы Америки, и Вашингтон в данном случае стоял на стороне этих классов. Отношения с Испанией тоже требовали заключения торгового договора, который позволил бы Соединенным Штатам беспрепятственно плавать по Миссисипи. Многое в этих отношениях смущало и заботило Вашингтона, который осенью 1790 года опять опасно заболел. В последние годы здоровье его сильно ухудшилось; особенно мучили его головные боли и болезни пищеварительных органов; лишения лагерной жизни ослабили его зрение и слух, так что во время президентства с ним приходилось разговаривать очень громко. Он поехал ненадолго отдохнуть в Маунт-Вернон и там действительно поправился.

Но в Нью-Йорке его ждали новые тревоги и заботы: индейцы, уже во время революции недружелюбно относившиеся к Соединенным Штатам, теперь обнаруживали стремление начать враждебные действия, подстрекаемые на севере английскими торговцами, а на юге – испанцами. На запросы Вашингтона английский и испанский кабинеты отвечали, что это делается без их ведома. Вашингтон видел, что придется защищать границы республики с оружием в руках, хотя никогда не сочувствовал насилию по отношению к индейцам. Он признавал за ними право владеть американскими землями, и предпочитал приобретать у них земли покупкой, а не оружием. Но индейцы то и дело нарушали мирные соглашения с американцами, инстинктивно чуя в них врагов и решившись огнем и мечом противиться распространению американской культуры. Нападений их уже нельзя было больше терпеть, и вот между американцами и индейцами разгорелась война, продолжавшаяся пять лет и причинившая Соединенным Штатам много убытков. На первых порах индейцы одерживали одну победу за другой, но потом, когда во главе американской армии был поставлен генерал Вейн, индейцы были наконец усмирены и заключили с американцами выгодный для последних мирный договор.

В декабре 1790 года конгресс открыл свои заседания уже в

Филадельфии. На этот раз Гамильтон выступил с проектом основания национального банка. Несмотря на оппозицию крайней демократической партии, проект этот был принят, и решено было основать национальный банк с капиталом в 10 млн. долларов. Ожесточенные прения в конгрессе вызвал и другой проект Гамильтона – обложение пошлиною всех спиртных напитков. Обсуждение этих проектов явно обнаружило существование в конгрессе двух крупных партий, из которых одна стремилась к централизации и к усилению центральной власти (федералисты), а другая отстаивала автономию и суверенитет отдельных штатов (демократы).

Как только окончилась сессия конгресса (в марте 1791 года), Вашингтон отправился осмотреть южные штаты, что и выполнил аккуратнейшим образом, следуя заранее составленному плану и преодолев в три месяца около 2 тыс. английских миль на одних и тех же лошадях.

Вернувшись в Филадельфию, он застал борьбу федералистов и демократов в полном разгаре. Средние и низшие классы населения и мелкие штаты поддерживали демократическую партию конгресса; богатые же классы общества и крупные штаты стояли на стороне федералистов. Вашингтон понимал, как глубоко коренятся причины раздора как в конгрессе, так и в обществе, и предвидел неизбежность гражданской войны в недалеком будущем. Своих министров – Гамильтона, представителя федеральной партии, и Джефферсона, представителя партии демократической, – Вашингтон всячески старался примирить. Сам он сочувствовал в данном случае Гамильтону; но не мог не ценить талантливого, энергичного Джефферсона. Однако все усилия Вашингтона примирить этих двух людей не привели ни к чему. Политическая борьба обоих министров мало-помалу перешла в личную вражду. К чести Джефферсона надо заметить, что, оспаривая проекты Гамильтона в печати и в конгрессе, он свято подчинялся конституции и, раз проекты его противника были приняты конгрессом, всячески содействовал их осуществлению.

Наступил последний год президентства Вашингтона. Его сильно тянуло в Маунт-Вернон, где хотелось дожить свои последние годы; но и на этот раз не суждено ему было освободиться от тяжелых обязанностей главы государства. Письма друзей, петиции от разных обществ, настояния всех членов кабинета и сознание, что он один может примирить до некоторой степени разногласия, царящие в обществе, заставили Вашингтона после упорной внутренней борьбы еще раз выступить кандидатом на президентство. В начале 1793 года он опять был

единогласно избран президентом Соединенных Штатов.

Второй срок президентства был очень тяжелым для Вашингтона, особенно вследствие отношений с Францией. Французская революция была встречена в Америке с энтузиазмом; но мало-помалу федералисты перестали сочувствовать тому, что делалось во Франции, между тем как демократы радовались успехам революции, надеясь, что она сметет с лица земли деспотизм и рабство. Вашингтон, сам проникнутый революционным духом и боровшийся за свободу, никак не мог примириться с жестокостями революционеров во Франции, имея как американец весьма слабое понятие об уродливых социальных отношениях, существовавших во Франции до революции. В марте 1793 года Франция объявила войну Англии и Голландии. Как только это известие распространилось в Америке, отовсюду раздались голоса, требовавшие, чтобы Соединенные Штаты оказали деятельную помощь своему бывшему союзнику – Франции. В Америке стали даже организовываться добровольные отряды и снаряжаться небольшие военные суда для нападений на торговые суда Англии, которой решено было вредить, где только возможно. В апреле Вашингтон пригласил к себе членов своего кабинета для обсуждения того, как следует держать себя Соединенным Штатам по отношению к другим государствам. Все члены кабинета единодушно высказались, подобно Вашингтону, за нейтралитет Соединенных Штатов, тем более, что с Францией был заключен лишь оборонительный союз, а в данном случае Франция сама сделала вызов Англии. Кабинет постановил выпустить прокламацию, “запрещавшую гражданам Соединенных Штатов принимать участие в каких бы то ни было враждебных действиях на море и удерживавшую их от всяких действий, несовместимых с обязанностями дружественной нации относительно наций, воюющих между собою”. Решено было, также единогласно, принять посла от французской республики. Вашингтон признавал французское правительство, хотя лично ему несимпатичное, вполне законным, так как оно было установлено народом, который, по мнению Вашингтона, имел полное право устанавливать правительство, соответствующее его желаниям. 22 апреля прокламация о нейтралитете Соединенных Штатов была подписана Вашингтоном, а затем была напечатана и распространена в народе. Объявление нейтралитета было самым важным политическим актом Вашингтона, благодаря которому североамериканская республика не была вовлечена в европейские войны, а шла по пути мирной культуры. Со времен Вашингтона нейтралитет лег в основание всей последующей внешней

политики Соединенных Штатов и под названием учения Монроэ сохраняется в полной силе и по сей день. Современные американцы, знающие, какое благодетельное влияние имел акт Вашингтона, признают политическую мудрость первого президента своего Союза. Но далеко не столь единодушно относились к этому акту Вашингтона его современники. Вся страна в то время распалась на два лагеря, причем демократы ожесточенно нападали на правительство в газетах, на собраниях и так далее, обвиняя президента в пристрастии к Англии, в вероломстве по отношению к Франции и т. п. Демократические газеты начали против Вашингтона настоящую травлю. Эти газетные нападки и инсинуации выводили Вашингтона из себя. Он хотел совсем бросить читать газеты, но не в силах был не прочитывать яростных нападок на самого себя: он при этом волновался, бранился, но все-таки выписывал враждебные ему газеты. Впрочем, никакие газетные толки не могли поколебать его принципов и убеждений, согласно которым он считал нужным действовать.

Не мешает упомянуть здесь о том, что Вашингтон действительно питал некоторое пристрастие к англичанам, но это пристрастие вовсе не обусловливалось личными симпатиями, как говорили про него враги. Вашингтон был сторонником торгового союза с Англией, находя такой союз выгодным для экономического и культурного развития своей родины, и эти расчеты и ожидания его блестящим образом оправдались.

Между тем в Соединенные Штаты прибыл французский посол Жене, решивший воспользоваться готовностью американцев-демократов помогать французам с оружием в руках. Он стал подстрекать американцев к составлению добровольных военных отрядов, к снаряжению военных кораблей; американцы действительно захватили несколько английских кораблей, на что британское правительство не замедлило заявить протест и требовать возмещения убытков, причиненных ему американцами. Признавая в этом деле правоту Англии, правительство Соединенных Штатов взяло ее сторону, уплатило понесенные ею убытки и приказало закрыть все порты для американских кораблей, снаряженных для захвата английских торговых судов. Жене, однако, не унимался, так что пришлось просить французское правительство отозвать его обратно во Францию, так как он явно нарушал данные ему полномочия.

Отношения Соединенных Штатов с Англией были еще хуже, чем с Францией, и с каждым днем ухудшались. Англичане захватили множество американских торговых кораблей с зерном и мукой, направлявшихся во Францию, и отправили их в

английские порты. Протесты американского правительства долгое время ни к чему не приводили, и наконец отношения с обеих сторон так обострились, что война казалась неизбежной. Открывая конгресс в декабре 1793 года, Вашингтон предложил принять меры для обороны страны и для защиты прав американских граждан. Эти предложения нашли поддержку в обеих партиях конгресса, понимавших, что поступок Англии есть нарушение прав провозглашенного Соединенными Штатами нейтралитета.

Вскоре, однако, Вашингтон получил извещение от американского посла в Лондоне, что британский кабинет выражает готовность мирным путем уладить несогласия между Англией и Штатами и не прочь заключить с Североамериканским Союзом торговый договор. Вашингтон тотчас же послал в Лондон Джея для переговоров с английским правительством; но зная, что в случае неудачи Джея война с Англией неизбежна, конгресс принял меры для обороны страны. Президент продолжал подвергаться нападкам демократов, хотя желал только быть справедливым ко всем нациям, жить со всеми в мире, но в то же время, для гарантии мира, всегда быть готовым к войне.

Наконец, в марте 1795 года, Вашингтон получил от Джея условия торгового договора, предлагаемые Англией. Во многих отношениях договор не отвечал ожиданиям президента, но в общем этот договор все-таки обещал Соединенным Штатам известные выгоды, и потому Вашингтон решил как можно скорее ратифицировать его и с этою целью созвал сенат, согласно конституции имевший вместе с президентом право ратификации торговых договоров с другими державами. Сенат нашел торговый договор с Англией удовлетворительным, но воспротивился запрету вывозить из Соединенных Штатов хлопчатую бумагу, которая была главным предметом вывоза из южных штатов. Вашингтон, таким образом, очутился в большом затруднении. С одной стороны, непринятие договора грозило войной, с другой, – в прессе условия договора возбудили бурю негодования; но Вашингтону ничего другого не оставалось делать, как подписать договор. В ответ на протест бостонцев против этого договора Вашингтон, между прочим, писал, что он объективно взвесил все доводы за и против договора, что лучшего пока нельзя заключить и что такой договор во всяком случае более соответствует интересам страны, чем война. Подписанный Вашингтоном договор был отправлен в Англию с просьбой уничтожить пункт, касающийся запрета вывозить из Америки хлопчатую бумагу, на что лондонский кабинет согласился.

Мало-помалу отношения Соединенных Штатов к другим

государствам начали принимать благоприятный оборот. После торгового договора с Англией заключен был договор с Испанией, по которому корабли Соединенных Штатов получили доступ к Миссисипи. Открывая заседание конгресса в 1796 году, Вашингтон мог поздравить обе палаты с благоприятным положением дел, благодаря которому республика могла надеяться на мирное культурное развитие. Однако торговый договор с Англией сильно поколебал популярность Вашингтона, хотя он ни на мгновение не упускал из виду блага страны; еще долго продолжались нападки на него в обществе и в печати, пока, наконец, демократы не убедились, что путь, избранный Вашингтоном, был лучше всякого другого.

Между тем истекало второе четырехлетие президентства Вашингтона. На этот раз, находя, что он уже достаточно потрудился, Вашингтон решил удалиться в Маунт-Вернон и обратился к народу с прощальным адресом, напечатанным за полгода до окончания его президентства. В этом документе Вашингтон резюмировал результаты своего долгого опыта в общественных делах и изложил свою политическую систему. В заключение адреса он говорил, между прочим, следующее: “Хотя, оглядываясь на все акты моего управления, я не вижу ни одной сознательной ошибки, но я глубоко чувствую свои недостатки и вполне допускаю, что, быть может, совершил много ошибок. Каковы бы ни были эти ошибки, я горячо молю Всевышнего устранить то зло, какое они могли бы причинить. Я уношу с собою надежду, что моя родина никогда не перестанет относиться к ним со снисхождением и что, после 45-летнего ревностного служения отечеству, уделом моих недостатков сделается забвение, как моим уделом скоро сделается вечное успокоение. Полагаясь на такую доброту моей пламенно любимой родины, я заранее наслаждаюсь тем уединением, в котором испытаю на себе, вместе со своими согражданами, сладостное благодеяние законов, охраняемых свободным правительством~”. Этот адрес произвел на народ сильное впечатление, и даже враги Вашингтона поддались обаянию истинно великой души этого замечательного человека. Все политические партии соединились в общем чувстве благодарности, любви и уважения к тому, кто так долго и неустанно трудился для своих соотечественников. Со всех сторон посыпались ответные адреса с изъявлением сожаления, что он покидает пост президента.

В феврале 1797 года состоялись выборы нового президента, которым был избран Адамс. Вашингтон в качестве простого зрителя присутствовал при присяге нового президента. Огромная толпа народа теснилась вокруг здания. Но она ожидала не

нового, а старого президента. Как только Вашингтон вышел из залы, где приносилась присяга, вся толпа устремилась вслед за ним. Выйдя на улицу, Вашингтон обнажил голову; серебряные локоны его развевались ветром. С лицом, сияющим бесконечною любовью и добротою, приветствовал он многотысячную толпу, которая в торжественном молчании провожала его до дверей его дома. Здесь он обернулся еще раз и глубоко поклонился. В глазах его стояли слезы. Но от волнения он не в силах был произнести ни слова и знаками выражал свою благодарность и последние пожелания.

Возвращение Вашингтона из Филадельфии в Маунт-Вернон было таким же триумфальным шествием, как отъезд в Нью-Йорк восемью годами раньше. Его всю дорогу сопровождали военные отряды; везде народ, горожане, городские власти высыпали приветствовать его, быть может, в последний раз. И только вернувшись в Маунт-Вернон, Вашингтон мог почувствовать себя частным человеком.

В Маунт-Верноне Вашингтон провел остаток своих дней, занимаясь сельским хозяйством и отрываясь от него только тогда, когда того требовала общественная жизнь. Время в Маунт-Верноне он проводил как всегда, но чаще прежнего правильность деревенской жизни нарушалась посещениями из Америки и из Европы. “За обедом я всегда почти вижу чужие лица, которые являются, как они говорят, из уважения ко мне. И какая разница между их посещениями и присутствием за моим столом нескольких интимных друзей!” Однако же Вашингтону пришлось еще раз выступить на общественном поприще. Со времени оставления им президентства начали сильно обостряться отношения Союза с Францией, недовольной торговым договором между Соединенными Штатами и Англией. По распоряжению французского правительства (директории) американские корабли, направлявшиеся в Англию, захватывались французами, и все протесты американцев оставлялись без внимания. Мало-помалу отношения с Францией приняли такой оборот, что приходилось готовиться к войне. Организована была армия и приняты были меры для обороны страны. Все взоры опять обратились на престарелого обитателя Маунт-Вернона. Президент республики, да и весь народ, были уверены, что одного имени Вашингтона достаточно, чтобы воодушевить страну для борьбы, что одно имя его способно, с другой стороны, отбить у французов охоту воевать. Очень тяжело было Вашингтону согласиться на просьбу президента взять на себя командование новой армией. Но всю жизнь он руководился зовом родины, жертвуя своими личными удобствами, и так поступил и на этот раз. Он

согласился на назначение его главнокомандующим, но с тем условием, что останется в Маунт-Верноне до тех пор, пока личное его присутствие в армии не будет необходимо. И вот опять пришлось Вашингтону вырабатывать план военных действий, назначать офицеров, вести письменные переговоры с военными и гражданскими властями. Все это он совершал с юношескою энергией; но в то же время он сильно сомневался в том, чтобы Франция решилась на открытую войну с Соединенными Штатами. Совершая военные приготовления, он следовал своему убеждению, по которому своевременные приготовления к войне были лучшим средством для сохранения мира. Вашингтон не ошибся; скоро директория с Бонапартом во главе изъявила согласие на миролюбивую сделку с Соединенными Штатами. До полного окончания недоразумений с Францией Вашингтону однако не суждено было дожить.

12 декабря 1799 года Вашингтон, как обыкновенно, до обеда объезжал свои фермы, не обращая внимания на отвратительную погоду. Шел смешанный со снегом дождь и дул холодный ветер. Вашингтон промок до костей и сильно озяб; когда он вернулся домой, то хлопья снега повисли у него на волосах и вода струилась за воротник. Однако, несмотря на просьбу жены, он не согласился переменить платье. На другой день он чувствовал озноб и боль в горле; тем не менее, он долго возился в саду, собственноручно отмечая деревья, заслонявшие вид на реку: их он распорядился срубить. К вечеру ему стало хуже, но он не хотел принимать никаких мер, говоря встревоженным домашним, что “это пройдет так же, как пришло”. Весь вечер он провел со своей семьей, читая ей вслух, несмотря на хрипоту, интересные выдержки из газет. Ночью лихорадка усилилась, и опухоль в горле не давала ему дышать. Пришлось послать за доктором Крэком. Еще до прибытия его Вашингтон приказал одному из своих служащих пустить ему кровь; но это не помогло. Вашингтон сильно страдал, дыхание его становилось все труднее. Крэк, прибывший с двумя другими врачами, опять прибег к кровопусканию, так что в общей сложности было выпущено 32 унции крови, что окончательно лишило старика сил. Вашингтон почувствовал приближение конца. “Я вижу, что умираю, – сказал он с покорностью. – Это – долг, который все мы должны уплатить”. Он просил жену сжечь его старое завещание и оставить новое, помеченное 9 июля 1799 года; секретарю своему приказал привести в порядок свои документы, письма и счета. Страдания его все усиливались. С выражением благодарности в глазах он сказал секретарю, старавшемуся помочь ему лечь удобнее: “Это хорошо; это долг, который мы должны платить друг

другу, и я надеюсь, что когда вам понадобится такая же помощь, то вы найдете ее". "Доктор, – обратился он к Крэку, – смерть у меня тяжелая, но умереть я не боюсь". К вечеру он стал сильнее задыхаться, но лежал, не двигаясь и не жалуясь. Около 10 часов вечера он с усилием промолвил: "Момент настал~ Я умираю~ Похороните меня должным образом~ но не раньше, чем через три дня~ Поняли?". Немного спустя он стал дышать свободнее, сам хотел было ощупать у себя пульс, но рука его бессильно упала. В ночь с 14 на 15 декабря 1799 года Вашингтон скончался, достигнув почти 68-летнего возраста. Похоронили его в фамильном склепе, в Маунт-Верноне.

Когда в Филадельфии получено было известие о смерти Вашингтона, конгресс тотчас же прекратил заседание. На следующий день заседание открылось речью Маршалла. "Нашего Вашингтона более не существует, – сказал он. – Герой, патриот и мудрец Америки, человек, на которого в минуту опасности обращались все взоры, живет теперь лишь в своих великих деяниях и в сердцах горячо его любившего и огорченного народа!" Конгресс постановил, что во время сессии кресло спикера должно быть обтянуто черным крепом и что депутаты в знак траура должны являться на заседания в черных платьях. Кроме того, решено было воздвигнуть мраморный памятник, чтобы увековечить военные и политические деяния Вашингтона, и поручить президенту от имени конгресса написать миссис Вашингтон и выразить ей соболезнование. Известие о смерти Вашингтона быстро облетело всю страну; все партии на время забыли свою вражду и братски протянули друг другу руки, скорбя об утрате человека, вся жизнь которого была примером самоотвержения ради народного блага; человека, который на поле битвы отстоял независимость Америки и руководил первыми шагами молодой республики; человека, который был "первым на войне, первым в мире и первым в сердцах своих сограждан", которого с полным правом можно было назвать "отцом отечества".

Источники

1. *Jared Sparks.* Life of George Washington. Boston, 1834 – 37.

2. “Works of George Washington”, edited by *J.Sparks.*

3.*Гизо.* Очерк жизни Вашингтона. С.-Петербург, 1863.

4. *Cornelis de Witt.* Histoire de Washington, precedee d'une etude historique sur Washington par M. Guizot. Paris, 1884.

5. *Bancroft.* Essay on the Life of Washington. London, 1835.

6. *Washington Irving.* Life of George Washington. New-York, 1855 – 58.

7. *Paul Ford.* The True George Washington. London, 1897.